

An aerial photograph of a lush landscape. In the center, a large, rounded green hill rises above a town. A river winds through the town and the surrounding greenery. The foreground is dominated by a wide, open green field. The sky is blue with light clouds.

РАМЕЛЬ ГАФАРОВ

ОГЛЯНИСЬ!

Рамель Гафаров

Оглянись!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40650341

ISBN 9785449629531

Аннотация

У криминального авторитета и клиента «Астро-банка» пропала крупная сумма денег. Нелепые обстоятельства пропажи порождают тотальные подозрения. Для разрешения ситуации директор банка отправляет на поиски потерянных денег своих людей. Личный водитель банкира Дамир и его девушка, приехавшие из башкирской деревни в Москву с планами разбогатеть, задаются вопросом, как бы они поступили, попади эти деньги в их руки? Но как далеко могут завести мечты? Может, стоит оглянуться?

Содержание

Часть I	5
Обознатушки-перепрятушки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Оглянись!

Рамель Гафаров

Иллюстратор Р. М. Гафаров

Фотограф Р. М. Гафаров

© Рамель Гафаров, 2019

© Р. М. Гафаров, иллюстрации, 2019

© Р. М. Гафаров, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-2953-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Обознатушки-перепрятушки

С утра невыносимо душно. После холодного июня, когда казалось, что уныло-серые тучи да безостановочные потоки ледяного дождя с порывистым ветром никогда не покинут бледное небо, июль щедро поливает свинцовым зноем, словно торопясь оправдаться за опоздание лета на месяц.

Изнывая от жары, мы прячемся от палящих солнечных лучей на веранде просторного двухэтажного дома Вадима Борисовича, нашего босса и генерального директора «Астро-банка». За высоким кирпичным забором, опоясывающим просторный двор, в близком лесу птицы весёлыми трелями встречают начинающийся день.

Делать пока нечего: накануне начальство провело вечер в бане вместе со своим давним партнёром из Мурманска.

Бизнесмена из далёкого заполярного города все мы, кто работает у Вадима Борисовича, знаем как Сохатого. А ещё мы знаем, что у него есть один пунктик: он откровенно тоскует по девяностым, беспредельным. Это та причина, которая объясняет, почему Вадим Борисович, большая брезгливость которого всем известна, согласился вчера поехать с Сохатым в баню, где они, опять же по желанию Сохатого,

отмечали успешно завершённую финансовую операцию.

По обязанности водителя в позапрошлый приезд Сохатого я возил их обоих по городу и невольно подслушал, как они обсуждали между собой запуск кредитного пылесоса. Гость из Мурманска тогда успокаивал Вадима Борисовича тем, что нужные гарантии безопасной работы по этой схеме от кого надо уже получены. Кстати сказать, этот мэн любит сидеть на переднем сиденье, по правую руку от меня, и беседовать с Вадимом Борисовичем через левое плечо. Мой начальник в таких случаях привстаёт с заднего сиденья, подобострастно согнувшись, опирается на широкий, как стол, подлокотник между моим местом водителя и пассажирским креслом, в котором, развалившись, сидит Сохатый, и тянет шею вперёд, чтобы не пропустить ни одного сказанного гостем слова.

Сохатого вернее было бы называть не партнёром Вадима Борисовича, а... Кстати, а как можно было бы назвать этого человека? Назовём почётным президентом банка, ладно? Знаете, как бывает в некоторых учреждениях? Старого директора, например, закон вынуждает уйти на пенсию, но власть, которая годами вливалась в кровь дурманящим наркотиком, этому директору выпускать не хочется. Тогда назначается якобы директор из ближнего окружения, а для старого начальника придумывается должность президента. Он вроде бы и не при делах, лишний довесок как бы, но на деле всеми ниточками продолжает дёргать именно он.

Частенько мне приходилось видеть, как Пётр Андреевич –

так по-настоящему зовут Сохатого – внимательно изучает бумаги, сидя в кресле в кабинете нашего директора. Расположившийся в таких случаях за брифинг-столом Вадим Борисович сильно нервничает. Такое чувство, что он боится, как бы Пётр Андреевич не нашёл какой-нибудь изъян в делах банка. Эти страхи заставляют его быть подчёркнуто почтительным с Сохатым.

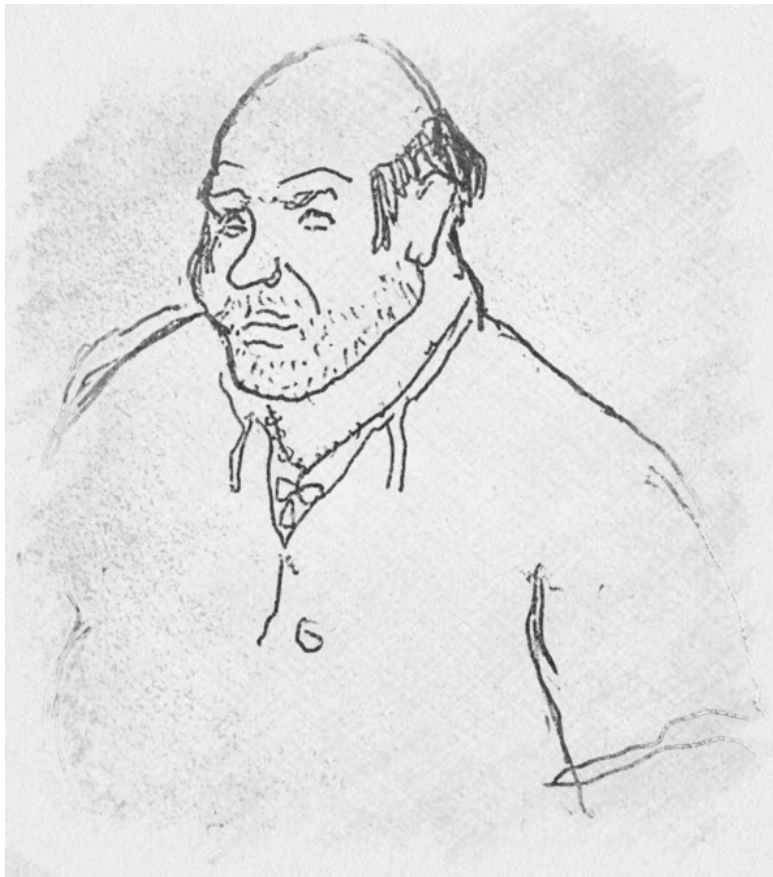
Внешность Сохатого можно было бы сказать, что весьма примечательна, но на самом деле она очень даже примечательна. Есть выражение: «Бог шельму метит». Оно как нельзя кстати подходит этому человеку. Достаточно один раз посмотреть на Сохатого, чтобы понять, что он пахан, вор в законе, матёрый уголовник с богатым прошлым. Не удивлюсь, если выяснится, что его тело помечено татуировками в виде звёзд или эполет на плечах, которые прячутся от постороннего глаза под тонким шёлком сорочки.

Мы привыкли думать, что внешность зависит от отца и матери и тех генов, которые они дарят ребёнку. Правда, бывает, что этот самый ребёнок рождается удивительно похожим даже не на прямого предка, а на двоюродного или троюродного, а то и вовсе ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Но причуды природы при сотворении нового человека имеют ограниченный диапазон при всей бесконечности комбинаций генов, что и называется родовыми чертами.

Однако приглядитесь повнимательнее: среда, в которой

человек живёт, тоже шлифует его физический облик, доставшийся от родителей в наследство. Жизнь своим резцом водит и водит по чертам человека, годами вырезая морщины или, наоборот, заглаживая их: у человека весёлого морщины, незаметно углубляясь, ложатся маленькими лучиками в кончиках глаз, на уголках улыбающихся губ, раздражительный человек обречён носить глубокие морщины недовольства, протянувшиеся от крыльев носа вниз и убежавшие в бульдожьей щеки. Я где-то слышал, что близнецы, если они росли вдали друг от друга в обществе разных людей, в конце концов становятся мало похожими друг на друга...

В Сохатом без малого сто девяносто сантиметров роста, широкие плечи, толстые, как брёвна и длинные руки, даже не руки – лапищи, толстая, как бочонок, шея – всё говорит о невероятной силе. Он выглядит как питекантроп, каким-то чудом оказавшийся в нашем времени.

Резкие черты лица выдают в нём властного человека, привыкшего подчинять себе, придавливая всех вокруг одним только стонным взглядом к самому полу. Глубо-

кие толстые складки, перерезающие лицо, дополнены шрамом, словно художник небрежно бросил лишний мазок, придавший всему портрету какую-то особую выразительность. Шрам очень тонок и едва заметен, словно чиркнули острейшей бритвой или хирургическим скальпелем. Только левая бровь разломана на половинки и от нижнего века бежит едва заметная бороздка к подбородку, слегка стягивая кожу. Из-за этого взгляд Сохатого производит странное впечатление. Такими стеклянными глазами мог бы смотреть коршун, наблюдая за ничего не подозревающей мышью. В этом взгляде нет злобы, но нет и жалости.

Эта громадная обезьяна может с полуоборота впасть в ярость. В таких случаях, набычившись, Сохатый смотрит из-под взлохмаченных бровей и надрывным криком, от которого на его шее вздуваются венозные канаты, подавляет любое сопротивление. Слыша этот вопль дикаря, многие теряют остатки мужества. Говорят, что раньше, забывшись, он мог и пятернёй схватить за горло или за лицо, тогда в том месте надолго оставался неприятным напоминанием здоровенный синяк.

Замашки криминального авторитета создают в Сохатом интересный симбиоз с потугами выглядеть джентльменом. Он очень старательно следит за тем, чтобы его телодвижения соответствовали каким-то идеальным представлениям об аристократизме. О том аристократизме, который Пётр Андреевич увидел, вероятно, в дешёвых голливудских сери-

алах. Желание быть изящным при сложении и неуклюжести носорога выглядели бы нелепо, если бы не одно но.

Именно по той причине, что Сохатый мечтает быть джентльменом, приступы ярости случаются крайне редко. Раньше, в годы своей бесшабашной молодости, может быть, он не стеснял себя в проявлении эмоций, но теперь, чтобы пахан-джентльмен вышел из себя, надо очень сильно постараться. Поэтому в последнее время он чаще всего свой гнев выплёскивает в саркастических репликах.

Пётр Андреевич тщательно подбирает одежду. Он никогда не позволит себе надеть дешёвую рубашку или ботинки дешевле тысячи баксов. По крайней мере, я ни разу не видел, чтобы Сохатый прилетал из Мурманска в затрапезном виде, – всё с иголочки, всё новое и дорогое. За долгие годы сытой жизни Сохатый оплешивел, и пивной живот свисает огромным мешком через брючный ремень, что постоянно мешает вылезти из машины или подняться без одышки из кресла, но дорогая одежда на нём сидит свободно, естественно. Это придаёт его движениям лёгкость завязанного плейбоя.

Вадим Борисович – прямая противоположность Сохатому. Он намного ниже ростом и настолько широк. В отличие от Петра Андреевича, которому полнота только добавляет внушительности, Вадима Борисовича большой вес превращает в круглого смешного недоростка с пухлыми ручками, коротенькими ножками. Он тоже любит дорогие ко-

стюмы, но они сидят на Вадиме Борисовиче бесформенным мешком, что придаёт его внешности сходство с клоуном Карандашом. Когда видишь стоящих рядом Сохатого и Вадима Борисовича, то невольно начинаешь улыбаться: один похож на постаревшего и погрузневшего богатыря в роде Тараса Бульбы, другой же смотрится мелким пузаном, каким-то Иваном Никифоровичем Довгочуном.

Вадим Борисович принадлежит к широко распространённому типу московского сибарита.

Пухлое лицо, кровь с молоком как витрина наклонностей гурмана, любителя вкусно поесть и хорошо поспать. Ему доставляют удовольствие выезды на светские мероприятия, где во время фуршета небольшого росточка Вадим Борисович очаровывает молоденьких томных и жеманных артисточек, мечтающих о моментальной громкой славе, о звёздной роли в каком-нибудь супер-пупер дорогом блокбастере. Артистки, несмотря на маленький умишко, догадываются изображать живой интерес к пухленькому Вадиму Борисовичу, как только узнают в нём довольно известного банкира.

Они окружают его плотным кольцом и сверху вниз смотрят восторженными глазами, громко смеясь каждой шутке мелкого толстячка. Но Вадим Борисович то ли искренне верит, то ли предпочитает делать вид, что верит, будто красотишки выются вокруг него исключительно благодаря таланту рассказывать анекдоты, балагурить и хохмить. Поэтому, несмотря на убеждённость в правильности холостяцкой жизни, наш хозяин редко просыпается по утрам в одинокой по-

стели.

Наш директор не склонен к выпивке, но любит застолья, на которых обязательно берёт на себя роль самостийного тамады, души компании. Весь вечер Вадим Борисович, едва заметный из-за стола, размахивая пухленькой ручкой, произносит прочувствованные тосты, заставляя людей, случайно оказавшихся за одним столом, дружно смеяться и хором подпевать его сочному бархатному баритону. К тому же он сполна обладает редким даром – быть своим на любом застолье и при этом не выпить ни одной рюмки.

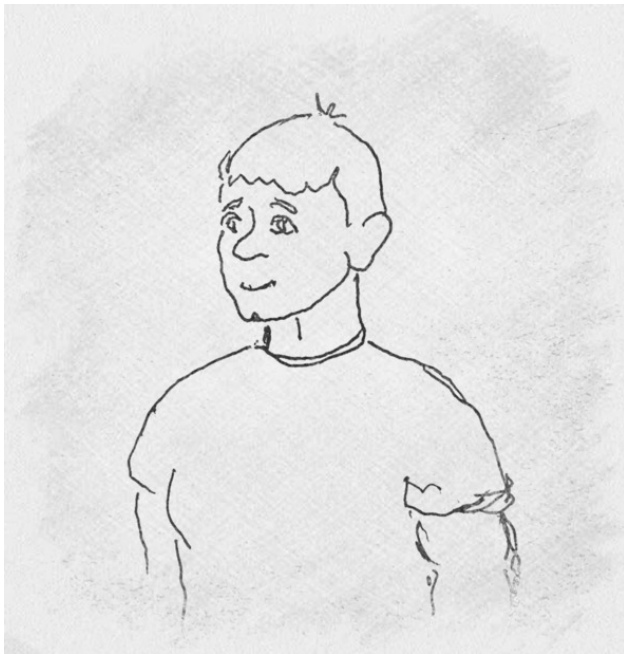
Но сегодня Вадим Борисович спит в полном одиночестве и всё никак не может проснуться, завернувшись в душистые простыни в просторной спальне, зашторенной плотными итальянскими портьерами с огромными золотыми кистями.

Часы показывают уже два часа дня. Нам ничего не остаётся, как ждать. Курим. Тихо беседуем...

– Никогда не женюсь! – горячится Димка. – Вот вчера. Помните рыжую? Краси-и-ивая. Такую на улице встретишь, сразу влюбишься и даже не подумаешь, что она такая! Как после этого девчонкам верить?! Я ж теперь тыщу раз подумаю, прежде чем решусь познакомиться с какой-нибудь красавицей.

Димка недавно появился в нашей конторе: приехал в Москву на заработки из-под Рязани чуть менее полугода.

Мы с ним в чём-то похожи. И он, и я не особо высокие. Мы, что называется, люди среднего роста. Оба коренастые, физически развитые, как все деревенские мальчишки, с раннего детства приученные к физическому труду. Разница лишь в том, что я татарин с типичными национальными чертами: кареглазый, черноволосый, смугловатый. У Димки же выразительное русское лицо: он русоволос, глаза василькового цвета, да к тому же ещё Димка курносый и лопухий. В довершение картины маслом по носу и щекам рассыпью желтеют веснушки. Такого за три квартала не спутаешь с городским жителем, словно на его лбу природа поставила печать: «деревенщина». Когда смотрю на него, невольно закрадывается подозрение, что и во мне, наверное, можно запросто угадать деревенского паренька.

Хотя Димка – ровесник мне, но в нём ещё не выветрилась провинциальная наивность. Правда, парень всё быстро схватывает и может очень скоро стремительно подняться по службе. По крайней мере, Бутурлин уже заметил его исполнительность, сноровку и частенько берёт Димку с собой, оставляя вместо него Лёху с Пузырём охранять въезд в усадьбу Вадима Борисовича, отчего те тихо ворчат, но не решаются открыто возмущаться и покорно выполняют работу «вместо пацана». Димке в его карьере помогает и лю-

бознательность: он не стесняется вникать в дела и задавать вопросы, если чего-то не понимает. Задаёт вопросы без провинциальных комплексов даже самые глупые.

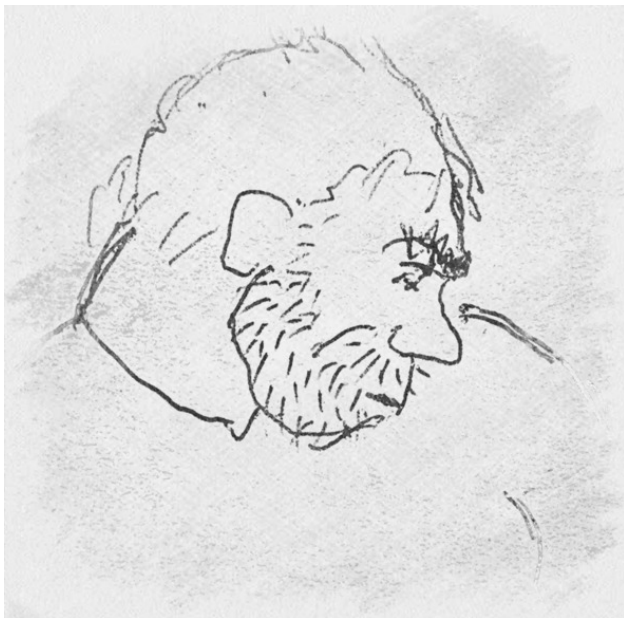
– А ты не думай, – пускает клубы ароматного дыма кубинской сигары Бутурлин. Я давно подозреваю, что Сан Саныч не просто телохранитель Вадима Борисовича. Всё-таки бывший офицер, – поезжай к себе в деревню и выбирай невесту среди школьниц.

– Тоже не гарантия, – хрипит Бизон, отирая с лица обильно льющийся пот, – там тоже, – машет пятернёй в воздухе, – свои кустики, полянки, сеновалы.

Что можно сказать про человека с таким прозвищем? Бизон – он и есть Бизон. Двухметровый здоровяк шестидесяти с лишком лет. Несмотря на свой возраст, Бизон обладает невероятной физической силой: ему запросто удаётся на потеху публике вязать в узел железные прутья. Даже Сохатый смотрит на него с опаской. Среди охранников ходят слухи, что в советское время Бизон был в Олимпийском резерве страны и подавал большие надежды. Вроде бы его даже готовили к титулу чемпиона мира по тяжёлой атлетике.

При взгляде на Бизона как-то невольно веришь в справедливость этих слухов. Особенно если стоять рядом с этой горой стальных мышц. Лично я чувствую себя карликом, когда приближаюсь к великану. Бугристая шея профессионального штангиста, придающая Бизону сходство с почти исчезнувшим гигантом американских прерий, громаднейшие

кулаки, покаты́й лоб с нависающими над глазами мощными надбровными дугами, словно у неандертальца, массивная челюсть, вечно заросшая двухдневной седой щетиной, производят незабываемое впечатление на всех. Редко кто осмеливается связываться с Бизоном, а те, кто всё-таки решался, потом сильно жалели об этом.

Поговаривают, что года эдак два тому назад с ним произошла занимательная история: Бизон вечером возвращался

домой из магазина, и в подворотне на него напали трое залётных гопников. Они не знали жителей района, и, видимо, рассчитывали, что ограбить хоть и двухметрового, но старика для них не составит труда.

Вышло всё совсем не так, как замышлялось. Грабители притаились в арке дома и, дождавшись, когда в темноту прохода вошёл Бизон, бодро кинулись на него с кулаками, норовя свалить с ног. Но один из нападавших в ту же минуту пал, оглушённый ударом мощного кулака. Двое других после короткой стычки с позором покинули ратное поле, почёсывая бока и прихрамывая. Они решились только посылать проклятия в адрес великана, да и то, отбежав на приличное расстояние.

Бизон, не обращая внимания на бьющиеся гулким эхом о стены ближних домов ругательства в свой адрес, спокойно дождался, когда очнулся поверженный тать, привалил его спиной к шершавой стене дома, и стал выпытывать, чего хотели горе-разбойники с большой дороги. Услышав испуганное, что надеялись слупить со старика тышчонки две, переспросил: почему только две? Корчась от железных тисков на своём плече, бандит с гнилыми коричневыми пеньками вместо зубов дрожащим голосом прошелестел: а что ещё со стариков можно взять, у них же пенсия мизерная? «То есть вы хотели отнять последнее?» – спокойно поинтересовался Бизон и с печалью в голосе пообещал, что поступит с ним точно так же.

Гопник, согласно легенде, передаваемой из уст в уста поколениями охранников, потом якобы бежал по улице голышом, старательно прижимаясь бледной спиной к наждачной шероховатости кирпичных домов, и срывающимся тонким голосом отчаянно звал своих товарищей, давным-давно растворившихся в лабиринте дворов.

Бизон же не спеша отправился домой, по дороге положив около одного из бомжей, дремавших на скамейке в скверике, снятую с грабителя одежду. Тот долго благодарил господ Бога, расправляя на коленях поношенные треники, футболку с английской надписью «Born to kill» и поглаживая потёртую кожу кроссовок фирмы Адидас.

Многие из наших, несмотря на долгое общение с Бизоном, всё равно его приходят в тихий ужас, оказавшись с ним рядом. Мне же кажется, что за грозным видом этого здоровяка на самом деле скрывается добрая душа. По крайней мере, как только среди нас появился Димка, старик сразу взял над ним шефство и заботится о нём так, как может только отец заботиться о сыне...

Разговор прерывает звонок на мобильный Бутурлина: проснувшийся Вадим Борисович вызывает к себе. Сан Саныч бежит в дом с тем, чтобы через полчаса спуститься из спальни, расположенной на втором этаже особняка. Перемаывая слова в вырубленных из цельной скальной породы челюстях, Бутурлин приказывает Бизону и Димке подготовить оружие и поворачивается ко мне: «Дамир, шеф сказал,

что сегодня ты с нами. Выкатывай машину – едем».

Итак. Меня зовут Дамир. Я родом из Башкирии.

На просторах Южного Урала распластался в окружении труб и заводских конструкций город Стерлитамак. Город сам по себе небольшой – каких-то двести-триста тысяч жителей, – но с очень развитой в прежние годы химической промышленностью: несколько крупных производственных объединений многие десятилетия обеспечивали горожан работой. Скупая советская архитектура, одинаковая во всех поселениях одной шестой мира, вкупе с заводскими корпусами придают городу унылый вид безликости.

В общем, почти по Джону Леннону: «Steel and Glass». Только последнее слово следует заменить на «Concrete». Но весь этот ужас однообразной серости пяти- и девятиэтажек из силикатного кирпича забываешь сразу, едва отъедешь чуток от Стерлитамака, потому что природа на Урале просто обалденная, смею вас уверить!

Главной достопримечательностью окружающей город природы являются Шиханы.

Одинокие горы, напоминающие шлемы или, как говорили в древности, шишаки, торчащие из земли. Их три. За ними раскинулся простор до самого горизонта, где при желании можно рассмотреть бледно-синюю неровную ленту Уральских гор... Это, если верить старинным башкирским легендам, останки древнего дракона, поверженного Урал-баты-

ром.

На этом просторе затерялась моя малая родина – небольшая деревня Янганимян, что в переводе с татарского значит – сгоревший дуб.

Сейчас, после двух лет жизни в Москве, могу уверенно сказать, что нет более красивого места на Земле. Село с одной стороны примыкает к обширному и густому лесу, от крайних домов только дорогу перейти. Если же пройти немного в глубь чащобы по едва заметной дорожке, то можно наткнуться на старое заброшенное кладбище. Лес за столетие почти уничтожил его. С трудом, но ещё можно разглядеть осевшие холмики, заросшие березняком, покрытые многолетним слоем опавших листьев. Кое-где ещё видны разбросанные там и сям обломки изъеденных временем и покрытых тёмно-зелёным мхом деревянных оградок. Это исчезающая память о первых поселенцах, основавших нашу деревню. Они приехали из Германии, но после революции и Гражданской войны все до одного сгинули. Куда? Как? Никто не знает... Только иногда в огороде люди натываются то на обломки фарфоровых немецких куколок, то на потемневший немецкий шиллинг.

Я люблю приходить на забытое кладбище в начале осени, когда в наши края приходит бабье лето, приносящее необыкновенную прозрачность прохладного воздуха, отчего приобретают графически чёткие очертания далёкие деревни, леса, в обычное время размытые в зыбком мареве горячего воз-

духа летних месяцев. Мне нравится сидеть на каком-нибудь пне и смотреть, как ворохом бесшумно сыплются с деревьев красные и жёлтые листья. Этот бесконечный листопад похож на волшебные слёзы: деревья словно оплакивают своё скорое зимнее страдание, когда кора затрещит от уральских морозов.

С другой стороны Янганимяна жёлтыми волнами колыхается на ветру ржаное поле, крест-накрест исчерченное нитками лесополос. Из сердцевины охровой безбрежности вырастают великолепные Шиханы – горы, образовавшиеся в доисторические времена, когда уральская земля была дном Мирового океана. Поэтому когда лазаешь по склонам, обязательно натыкаешься на окаменелые ракушки, водоросли.

Больше всего мне нравится тот Шихан, который русские называют Лысой горой: вязами, дубами, липами обросло только подножие, а макушка белеет голыми камнями. Местные же знают Лысую как Юрак-тау, что в переводе значит Сердце-гора. Когда на машине спускаешься по дороге, бегущей в окружении леса вдоль Куш-тау, то на последнем повороте лесной дороги открывается чудесный вид на Юрак-тау, которая издали действительно напоминает человеческое сердце.

Куш-тау и Юрак-тау стоят близко друг от друга. Между ними расположился посёлок Мебельный. В нём с незапамятных времён находится колония для несовершеннолетних преступников. В советские времена посёлок, конечно же, на-

зывался «Детской колонией». Можете представить, каково было детям, родившимся и выросшим в посёлке? Они ехали в города поступать учиться, а их спрашивали, откуда они родом? И соврать нельзя, и название посёлка вводило членов приёмных комиссий в заблуждение.

В стороне от этих двух гор едва виднеется Тора-тау. Отец мне что-то говорил об особой роли этой горы в истории башкир, но я, к сожалению, уже не помню его слов. Вроде с ней связаны какие-то верования наших далёких предков, как будто это какое-то священное место. Не могу точнее сказать, поэтому врать не буду...

Когда-то был ещё один Шихан, называемый Шах-тау, но от него осталось только название: за полвека самая высокая гора усилиями людей превратилась в пыль: неустанно бегут вагонетки, гружённые мелкими осколками громады, бегут по натянутым стальным тросам к заводу, где разбитая в щебень каменная надменность превращается в пищевую соду.

В далёкие годы моего детства вечерами мама присаживалась у моей кровати и рассказывала легенду про то, что Куш-тау – это юноша, который влюбился в дочь Шаха. Парень просил руки прекрасной девушки, но злой Шах поставил условие, что отдаст свою дочь только если юноша принесёт сердце своей матери. Опечаленный юноша рассказал об этом матери. Женщина недолго думала... Воткнула в грудь нож, вынула сердце и отдала его сыну. Тот, радостный, стремглав бросился во дворец, чтобы поскорее жениться на дочери Шаха. Парень бежал очень быстро и не смотрел под ноги. Он забыл о матери, принесшей страшную жертву ради сына. Он мечтал только о своей возлюбленной. В этих грёзах юноша не заметил камень, брошенный ему под ноги разгневанным Урал-батыром, и, споткнувшись, полетел кубарем на землю. Материнское сердце выпало из его рук. Упав, оно прошептало: «Ты не ушибся, сынок?» – и обер-

нулось в Юрак-тау. Встал джигит, оглянулся и содрогнулся от ужаса при виде окаменевшего сердца. Понял он, какую жертву принял от матери и стал умолять Урал-батыра наказать его как дурного сына. Урал-батыр превратил и его, и злого шаха с дочерью-красавицей в горы Куш-тау, Шахтау, Тора-тау.

«Мать всегда любит своё дитя, – говорила мама, нежно поглаживая меня по голове, – она всё отдаст за его счастье, даже свою жизнь. Знай об этом». А я, пятилетний малыш, крепко прижимался к её тёплому боку и говорил: «Я буду любить тебя всегда».

Долгие годы контуры Юрак-тау, Сердце-горы, вызывали во мне смешанные чувства...

Изба, в которой прошло моё детство, – одна из самых красивых на нашей улице. Отец всегда любит повторять, что каждый человек обязан преобразовать тот клочок земли, на котором ему довелось жить. Если все люди постараются оставить после себя ухоженный маленький мирок, то из этих лоскутков сошьётся красивый наряд человеческого общежития. Свой идеализм ата¹ с энтузиазмом воплощал в жизнь.

Деревня растянулась тремя ручьями улиц, опоясанных деревянными заборами, крашенными облупившейся краской. Ряды домов тянутся из одного конца деревни в другой параллельно друг другу. Между собой улицы связаны коротенькими суставами тесных проулков, в которых две машины, если встретятся, то вряд ли спокойно разъедутся. Здесь живёт никогда не просыхающая, вечная грязь, разминаемая в кашу колёсами скользящих машин. Испокон веков людям приходится обходить чёрное месиво узенькими тропами у самых заборов, цепляясь за серый штaketник и охая от жалящих прикосновений зарослей благоухающей крапивы.

Несколько лет назад отец на свои деньги купил два самосвала щебня – отхожий материал, привезённый с Шах-тау, – и засыпал им грязную мешанину в проулке, примыкающем к нашему огороду. Он надеялся, что его примеру последуют односельчане и улицы Янганимян наконец-то станут пешеходными и проезжими. Но охотников повторить подвиг не нашлось, а за отцом прочно закрепилась репутация бла-

¹ Ата (татар.) – отец

женного. С точки зрения наших соседей не было разницы, по какой дороге ходить и ехать: грязь ведь не особо мешает. Подумаешь, если раз в месяц кто-нибудь да и застрянет в пучине! Беда невелика, а жизнь на скучающих улицах всегда от этого интереснее!

Наш дом обшит досками, покрытыми голубой краской. Поверх толстого слоя краски мама широкой кистью вывела красивые огромные бутоны жёлтых, красных, розовых цветов. Она так сильно любит цветы, что половина сада засеяна разными сортами роз, настурций, космеи.

Внутри попадаешь по выложенной отцом дощатой дорожке. Я живо помню каждую особенность родного дома. Помню звук каждой половицы в нём. Могу на слух определить, какая дверь как звучит. Хорошо помню все вздохи, скрипы деревянного нашего дома ещё с тех времён, когда незаметно убегал из дома на дискотеку в сельском клубе: тёплыми летними ночами молодым не сидится дома, особенно когда на улице смеются девчонки, звучит музыка из магнитол, колонок...

Родной дом начинается с обширной веранды, на которую вы попадёте, поднявшись по ступенькам крыльца, выкрашенного жёлто-коричневой краской. На веранде я люблю спать, начиная с тёплых дней мая. Мне нравится, что здесь бревенчатые стены ничем не закрыты, и я знаю каждую трещину в дереве, куда удобно прятать всякую нужную в детстве мелочь, помню каждый волосок пакли, которой законо-

пачены для тепла зазоры между брёвнами.

Пройдя через эту веранду, оказываешься в довольно просторной комнате, которая наполовину занята печью. Она считается у нас кухней: здесь всегда что-то варится на газовой плите, выпекается в печной утробе. Здесь царит стойкий дух свежеиспечённого хлеба, чая, густого запаха парного молока и целебных трав, а именно: зверобоя, чистотела, матрёшки. Нет ничего милее родных запахов! Первое, что делаешь, когда после долгого отсутствия переступаешь родной порог, с силой вдыхаешь, вбираешь в лёгкие без остатка знакомые с малолетства ароматы.

На кухонном столе, крытом старенькой клеёнкой, всегда стоят серебряная сахарница, полная белых кубиков сахара, и фарфоровая пиала, полная душистого мёда. По её матово-глянцевому с перламутровым отливом боку завитушками бегут за поворот, цепляясь друг за друга, цветы. В детстве я любил крутить пиалу, чтобы поймать тот момент, когда завитушки прекратят свой бег и тогда я увижу начало цветочной змейки, но они всё бегут и бегут по кругу, не думая обрываться. Эта миниатюрная пиала всегда закрыта стеклянной крышечкой с рожком витой прозрачной ручки.

Крышечка осталась от разбившейся много лет назад сахарницы из толстого полупрозрачного шершавого стекла. Она упала и разбилась после того, как я влетел в угол стола во время игры в догонялки с мамой. Мне тогда было года четыре, наверное. Памятью о её падении остался небольшой

слюдяной скол на ребре. Сама посуда давно исчезла. Рассосалась через несколько дней и огромная шишка, вскочившая на моём лбу. А крышка живёт и своим зримым и осязательным присутствием не даёт зародиться подозрению, что та стеклянная сахарница, та весёлая игра с мамой и боль, обида и рёв малыша лишь приснились в одну из холодных зимних ночей...

В жизни каждого из нас есть такие вещи, потерявшиеся во времени, которые, как алмазные гвоздики, прибывают листочки твоей памяти, не давая им улететь в зыбкую хрупкость сновидений.

Если из кухни повернуть налево, то попадаешь в другую комнату. Она могла бы быть обширной, если бы не тоненькая фанерная стенка, перегородившая большую её часть. За дверью, ведущей в одну из половинок, можно увидеть клетушку настолько тесную, что там умещается только широкая кровать и письменный стол, – это родительская спальня. Ночами отец включает настольную лампу и читает книги, делая пометы или подчёркивая простым карандашом заинтересовавшие его мысли, или записывает свои мысли в дневник, который каждый год заводится в новой книжице, покупаемой в «Читай-городе» в Стерлитамаке.

Однажды, когда отца не было дома, я украдкой заглянул в его дневник. На первой странице крупными буквами аккуратно выведено: «Человек достоин наивысочайшего (Гегель)». Фраза в то время для меня была непонятная, а пото-

му я решил, что слова эти очень и очень умные, но надеялся, что придуманная человеком со смешной фамилией фраза, понравившаяся моему папе, станет понятной и мне, когда повзростею. Со смутными чувствами я закрыл дневник, не прочитав больше ни единой строчки. Внутренняя жизнь отца для меня так и осталась завораживающей тайной.

Маленьким, я частенько приходил в родительскую комнату посидеть рядом с отцом. В тихие минуты сосредоточенной работы мальчик заворожённо смотрел, как за окном, отражаясь в чёрных стёклах ночи, висит и отцовская лампа, и освещённый край стола, и книга, и бледное отцовское лицо, возникая двойным отражением в провале оконного проёма, что придавало какой-то нереальный, потусторонний вид двоящимся отражениям, повторяющим родное лицо папы и родительскую комнату. Я переводил взгляд со стеклянных двойников в глубь комнаты, чтобы убедиться, что вещи в доме на самом деле продолжают сохранять тяжёлую конкретность своих очертаний. И тогда сильное желание заставляло меня выбегать на улицу и смотреть на хрустальный мир отражения с другой стороны, с улицы.

Во дворе, стоя напротив окна, я надеялся, что обязательно увижу тот параллельный мир, из которого плывёт в ночи двоящийся близнец отца. Но на улице ждало только холодное молчание чёрной ночи, и я молча стоял и смотрел, как в светлой раме окна отец, склонившись над письменным столом, внимательно читает ученические тетради. А над кры-

шей дома сахарной пудрой рассыпаны звёзды на чёрном бархате ночного неба...

Вторая половина этой комнаты считается у нас чем-то вроде уголка для бесед: напротив входа в родительскую спальню поставлен диван, где мы сидим, когда есть охота поговорить по душам. Но обычно наша семья сходится там в те моменты, когда сильно устанем от праведных трудов: в доме и без того много укромных мест, где можно посидеть в темноте и пошутушкаться с мамой о делах школьных или обсудить с отцом деловой вопрос в роде завтрашних работ по хозяйству: отец всегда делал вид, что моя мужская сила ему крайне необходима, что ему нужен помощник, чтобы поднести инструмент, гвозди, когда он что-нибудь чинит, латает в доме.

Коротенький коридор ведёт мимо этой комнаты, которая благодаря фанерке вмещает в себя и родительскую спальню, и комнату отдыха и тайных разговоров, в самое просторное помещение в нашем доме. Это зала. Здесь на раскладном диване сплю я. Всегда... Это моё место...

Одну стену большой комнаты занимают книжные шкафы. Книги плотно притиснуты друг к другу в два ряда, напиханы по разным углам, стопками с силой воткнуты сверху на ряды разноцветных корешков. От тяжести полки так давно прогнулись, что кажется, что они всегда были такими. Когда я смотрю на этот книжный шкаф, то верю, что полки под весом книг уже тысячу раз упали бы и шкаф сложился бы, ес-

ли бы не те же самые книги, которые не только давят на полки под собой, но и подпирают полки сверху.

Между диваном и книжными шкафами стоит круглый стол, покрытый ситцевой скатертью, по всему полю расшитой красными розами с зелёными закручивающимися листьями. За этим столом я все одиннадцать лет школьной жизни делал домашние задания, временами поглядывая за оконное стекло, поделённое крашенными белой краской планками рамы на четыре части. Окно смотрит на восток, поэтому Шиханы, лежащие на запад от деревни, из него не видны.

Под окнами нашего дома, которые выходят на деревенскую улицу, разбит небольшой палисадник, в котором отец в день моего рождения посадил рябину. Деревце росло вместе со мной. К тому моменту, когда моя школьная жизнь подходила к концу, этот тоненький стебелёк превратился в высокое дерево, заслонившее своими ветками половину окон в доме.

Сквозь эти ветки, усыпанные красными ягодами, которые так любят клевать в заиндевелые зимние дни юркие синицы, а ранней весной – важные снегири, видно, как далеко за деревней над разноцветными крышами домов и сараев дорога взбегает на верх невысокого холма, пересекает поле и, прильнув к кромке леса, бежит пылящей лентой дальше – к другой деревне, которая плывет точками крыш в мареве жаркого летнего воздуха. Посреди поля виднеется небольшая роща. Это деревенское кладбище...

Если приплюснуть нос к стеклу и сильно скосить глаза направо, то можно увидеть тот край леса, который жмётся к деревне: там, среди деревьев, спит непробудным сном всеми забытый, брошенный немецкий погост.

Зимой покрытое голубовато-серым снегом поле сливается с белёсым небом в сплошной хмари стылого воздуха. Полгода всё вокруг укрыто снежным одеялом и превращается в единое белое безмолвие. Тогда и дорога, и кладбище, и лес растворяются в серой дымке искрящегося мелким снегом воздуха.

В далёкие годы детства я любил зимними вечерами смотреть за окно и представлять наш дом путешествующим в неведомых далях параллельных миров, где нет ни верха, ни низа, ни дали, ни близи, но есть только одна бело-синяя бесконечность...

В солнечные дни интересно разглядывать узоры, оставленные морозом на стекле: отчётливо виден вырезанный в белых кристалликах льда волшебный лес. Деревья в нём растут филигранно тонкими завитками огромных белых листьев. Когда-то я искренне верил, что в ледяном лесу среди снежных зарослей прячутся фантастические животные. Белоснежные звери сливаются с листвой, поэтому их сразу не заметить. Но, приглядевшись, при желании можно рассмотреть любопытные глаза осторожных существ, которые с любопытством заглядывают в комнату, чтобы узнать, как мы живём. Эти звери, думал я, боятся растаять, поэтому так

и остаются сидеть в гуще стеклянно-белого леса.

А я, в свою очередь, сидел около окна и всматривался в узоры, сквозь которые зябла освещённая холодным солнечным блеском улица. Так мы и смотрели часами друг на друга: волшебные звери и я...

Когда мороз разгуливает по хрустящим до озноба, до сведённых мёрзлой судорогой скул тропкам, протоптанным в голубом с искрой снегу, особенно остро чувствуешь уют родного дома.

В ранние школьные годы мне нравилось, что в моей комнате такие богатые книжные полки. Вечерами я любил сидеть за столом и рассматривать корешки книг в поисках той весёлой рассказчицы, с которой можно будет скоротать вечер.

Однажды, где-то в классе седьмом, перебирая книги, я наткнулся на альбом, посвящённый японской живописи. Так я познакомился с картинами Хокуся, которые называются «Тридцать шесть видов Фудзи».

Цветные репродукции с его работами ворвались в мою жизнь ломающим все прежние представления впечатлением. Мои чувства, которые возникали при взгляде на окружающую деревню природу, впервые получили ясное и яркое выражение. Художник уловил и передал в красках текучую многоликость, казалось бы, неподвижных пейзажей, венцом которых была священная в стране Нихон гора – Фудзи-яма. Та природа, которая на протяжении всей моей ко-

роткой жизни вроде бы оставалась неподвижной, вдруг обрела текучесть форм, цвета.

Идя в школу или возвращаясь домой после уроков, вдохновлённый рисунками Хокусая, я глядел на Юрак-тау: и каждый раз мне казалось, что гора смотрится иначе. Особенно красива она бывает в ясный летний вечер, когда красный диск солнца почти незаметным движением спускается в резко наступившей повсюду тишине на её склоны, чтобы по ним закатиться в немую темень ночи.

По тому, что сейчас вы слышите от меня о родительском доме и природе, в которой живу с самого первого дня моей земной жизни, надеюсь, понимаете, что я всегда любил этот мир, такой близкий и родной. Но в то же время, понимая красоту родных мест, я всегда мечтал уехать как можно дальше. Всеми силами души стремился вырваться из материнских объятий родины. Моё желание питалось не только романтическими грёзами. Подогревалось оно и тем, что я видел в Янганимяне.

Если посмотреть на деревню глазами случайного проезжего, то она может показаться подлинным воплощением обывательского довольства и труда. Везде стоят новенькие дома в два, в три этажа. Одни из них построены в скандинавском стиле из толстенных сосновых брёвен, сочащихся янтарной желтизной. Другие сложены из красного кирпича и украшены затейливыми башенками, флюгерами на островерхих черепичных крышах. Эти особняки выглядывают из-

за высоких заборов с автоматическими воротами, на многих из которых можно увидеть знак охранной компании, установившей свои системы сигнализации.

Но спросите, кто хозяева всех этих теремов?

Они принадлежат тем нашим землякам, которые много лет назад, когда рухнула прежняя жизнь, покинули деревню.

Социальные потрясения конца прошлого века многих разбросали по свету. Деревенские жители, которые поколениями дальше соседнего района не выезжали, вдруг стали открывать для себя огромный мир. Кто-то подался на Север бурить скважины, добывать газ, ловить рыбу в холодных морях. Кому-то в смутные девяностые годы удалось найти работу сварщика или рыбообработчика в северных провинци-

ях Норвегии. Некоторым повезло оказаться на виноградных плантациях Италии.

Но, где бы они ни оказались, все наши односельчане жили одним желанием вернуться домой. Простоватые крестьяне, привычные к тяжёлому физическому труду, мозолистыми руками, почерневшими от въевшегося земного праха терпеливо, годами складывали европейские копеечки, ассигнации в шкатулочку, в свёрточки, в потайные сумки, чтобы на тяжело накопленные денежки построить себе хоромы на родине в ответ на униженное положение *Untermensch* на европейском празднике сытости.

На нашей улице – если вы когда-нибудь окажетесь там, то увидите – стоят несколько домов тех, кто в разбойные и голодные девяностые годы с головой окунулся в штормящее море коммерции и стал возить товар в громадных полосатых сумках из Лужников, Турции, Польши.

Времена были беспокойные. Самые отчаянные из нашей деревни пропали без вести где-то на просторах России, кого-то убили в ходе рыночных разборок. В те годы деревенское кладбище пополнялось всё новыми и новыми рядами могил, чернеющих свежеврытым жирным чернозёмом.

Те же, кому посчастливилось пережить лихолетье, открыли свои магазины в Стерлитамаке, в Уфе, а в Янганимяне через несколько лет стали расти как на дрожжах каменные замки да бревенчатые хоромы на зависть тем землякам, которые так и не решились покинуть родные огороды с рядами

лука, огурцов, помидоров.

Новые богатеи живут в своих особняках всего лишь по несколько дней в году исключительно для того, чтобы насладиться подобострастием и завистью прежних соседей. Их дети, привыкшие проводить время в Европе, вообще никогда не появляются на малой родине.

Жители Янганимяна не заметили, как родная деревня превратилась в дачный посёлок. Те немногие, кто ещё постоянно живёт здесь, искренне желают, чтобы их дети навсегда покинули эти места. Вечерами мужья с жёнами, сидя перед цветным телевизором, откуда звучат привычные песни башкирской эстрады, шёпотом мечтают о лучшей доле для своих отпрысков. Само же молодое племя в это время прячется в овраге, разрезавшем деревню на две части, за густыми зарослями крапивы и, потягивая пиво, купленное в покосившемся ларьке у оврага, матерят власть, бахвалятся друг перед другом сексуальными свершениями, которые были реальностью только в убогих фантазиях.

Мои родители всю жизнь работают в школе, которая с незапамятных времён стоит на той стороне деревни, откуда начинается хлебное поле. Обширный школьный двор окружён старыми тополями, с лёгким шорохом задумчиво покачивающими своими кудлатыми головами высоко в небе. Когда сидишь в классе и смотришь в окно, то между их шершавыми толстенными стволами можешь разглядеть Юрак-

тау...

Учительская молодость отца с матерью пришлась как раз на времена беспредела. По их воспоминаниям, зарплаты тогда не хватало ни на что. И наша семья спасалась огородом и живностью. По признанию отца, сил не отчаяться ему в те годы придавала уверенность, что это временные трудности, потому что власть обязательно и очень скоро поймёт, что процветание государства невозможно без образованных граждан. Но незаметно утекали месяцы, годы, а в стране ничего не менялось по отношению к тем, кого папа называет «стратегически важными людьми».

Почему, спросите вы, он так именуется учителей? Ата в семейном кругу всегда любит приводить один пример: в середине 19 века в ходе прусско-австрийской войны об одном удачном для пруссаков сражении какой-то немецкий профессор (сейчас уже и не вспомню, какое имя называл отец) заявил, что это была победа прусского учителя над австрийским. «А всё потому, – отец на этом месте обычно назидательно поднимает палец вверх, – что солдаты шли на войну с теми убеждениями, какие им были внушены ещё в учебных классах. Так что – мы бойцы идеологического фронта и всегда на передовой».

Но надежды на перемены к лучшему исчезли в тот момент, когда правители с шутливым бесстыдством объяснили людям, что учитель – это подвижник, согласившийся питаться исключительно духовной пищей. Но если, с серьёзным ви-

дом далее стебались власти, человек хочет получать за свой труд деньги, то он должен уйти из школы в бизнес. Какое-то время отец пытался понять эту новость и вслух рассуждал за обеденным столом, оглядывая ряды книг такими глазами, словно искал сочувствия у старых друзей, что будет, если все учителя и врачи уйдут из профессии.

Логика государственных мужей осталась для отца не постижимой. Он неожиданно сник и стремительно постарел. Это была не та старость, что отмечена сединой или сухой тонкой кожей рук с пигментными пятнами, или старость в виде беззубого западающего внутрь рта. Отцовская старость приютилась в потухших глазах, в медлительной вялости движений человека, потерявшего интерес ко всему.

Последним ударом для него стало известие о том, что учительство – это не призвание, а услуга, необходимая для воспитания нового типа человека, крайне востребованного в нашей стране – грамотного потребителя. Потреблять? – изумился отец. – А кто же будет производить?

Когда до отца дошёл унижительный смысл министерских слов, когда он окончательно понял, что у него самым наглым образом отняли высокий смысл учительства, лишили благородной миссии и приравнивали к парикмахеру в забегаловке на углу, к продавцу в продуктовом магазине, в дурно пахнущем ларьке, низвели в обслугу, появилась какая-то униженность во всём облике, точно его ударили, оскорбили, унизили, а у него не хватило смелости себя защитить.

Всё это случилось в последний год моей учёбы в школе. Именно тогда я очень хорошо усвоил, что человека можно умертвить, не убивая буквально, но просто лишив надежды.

Мать же всю жизнь погружена в хозяйственные хлопоты. Она отдаётся им всей душой. Это спасает её от скорбных мыслей. Особенно не вникая в смысл текущей жизни, мама предпочитает слушать вполуха отца и сочувственно вздыхать, одновременно помешивая ложкой доходящий наваристый суп.

Но вид стремительно стареющего мужа привёл и её к раннему увяданию. В свои пятьдесят лет они оба выглядят намного старше: по волосам неудержимо бегут ручейки седых волос, а лица беспощадно режут скорбные морщины.

Школа неуклонно, неумолимо меняет свой облик, отражая в себе перемены в мире людей, и с каждым годом приходит всё больше детей, которые со взрослыми говорят на другом языке. Их язык, рождённый эпохой цифровых технологий, окостенел в неспособности выразить простейшие человеческие переживания, и всё многообразие чувств, эмоций свелось к набору матерных слов, которые живут рядом с мишурой чужеродных слов, нахально вымарывающих из сознания родной словарь.

Детское снисхождение к бестолковым взрослым, которые отстали от века и уже много чего не понимают в современных гаджетах, а значит – в стремительно выкраивающемся из призрачной виртуальности мире, где параллельных миров

всевозможных чатов, социальных сетей каждый год возникает по десятку на кулёк, где ежемесячно рождается и ментально умирает миллион новых слов, при звуках которых взрослые беспомощно моргают, не зная, то ли оскорбиться, то ли расхохотаться, это снисхождение сменилось жестоким высокомерием недотыкомов, мечтающих всех, кто старше сорока, сволочь на свалку, потому что, по мнению уверенных победителей в компьютерных стратегиях, старшее поколение так ничего и не смогло добиться в жизни, а потому и не достойно уважения. Им невдомёк, что своим презрением они оскорбляют не только старших, но своё скорое будущее.

Гаджеты, цифровая цивилизация утратили привкус новизны, для миллениалов они являются такой же привычной частью жизни, как для поколения моего отца – телевизор, радио. Совсем ещё недавно, каких-то десять лет назад, отец у своих учеников с увлечением перенимал новые словечки, просил научить пользоваться смартфоном, всевозможными приложениями, облегчающими связь с внешним миром. Теперь же он с горьким недоумением смотрит на маленьких нахалов, души которых уже при рождении оцифрованы, а мозги развились как продолжение девайса, без животворного подключения к которому ученики не могут прожить ни минуты своей жизни, и лишение их на уроке планшета, смартфона вызывает приступ панической атаки с бешеной истерикой.

Мои ровесники, познания которых о мире ограничиваются многочасовым без-мысленным просмотром роликов в Ю-тубе, Сториз, в Инстаграме, легко рассуждают о жизни и без малейшего сомнения выносят приговор старшим. Они предельно циничны, им непонятны слова об убеждениях и принципах, потому что ещё до живого жизненного опыта дети нового века уже видели в Интернете всё! И всё, что можно и нельзя знать о человеке, знают с предельной откровенностью... Миллениалы а-приори пресыщены жизнью. Многим до настоящей жизни жизнь уже стала скучна. Поэтому мы, миллениалы, ищем острых ощущений, мы готовы играть со смертью, делая экстремальные селфи или записываясь в закрытые группы ВэКа. Моим сверстникам не интересен мир природы, зато они слюняво хихикают при упоминании на уроках биологии синего кита...

Моё поколение с предельным прагматизмом на уроках учит старших, учителей искусству жизни. Не способные глубоко думать, скользящие по верху смыслов, мои ровесники зато очень хорошо усвоили, как выкрутиться в конкретных житейских ситуациях, как и с кем можно решить возникающие проблемы.

Наслушавшись их суждений, отец пришёл к однозначному выводу, что окончательно восторжествовало то общество, где ум заменился пронырством. Умение договариваться, налаживать связи, пользоваться блатом, говорит он, поставили выше профессионального мастерства, знаний. Не специ-

алист, но человек, имеющий связи, покровителей, стал почетным членом общества.

Встреча с новым типом учеников, приходящих на смену поколению геймеров с блуждающими глазами, фанатов форумов с порциями горячих вопросов по истории, социальным вопросам, о контактах с инопланетянами, обзоров новых технологических чудес, встреча с растущим поколением, жизненная философия которого отцу не просто непонятна, но пугает своей субстанциальной пустотой, стала причиной периодических приступов депрессии.

Измученный периодами отчаяния, отец однажды заявил, что единственным миром, перед которым он отныне чувствует полную ответственность, для него становится только семья. Теперь он все свои силы будет тратить на то, чтобы жить отдельно от всего остального человечества. Если общество решило сойти с ума, то ему с ним не по пути. Отец сказал нам с мамой, что умывает руки и уходит в сторону, и пусть безумие дойдет до своего логического завершения, до краха. Но только без него.

Папа пытается по-своему, с достоинством, выстоять перед житейскими невзгодами или, как модно теперь выражаться, вызовами времени. Может быть, он прав, я не в состоянии оценивать. Но в тот момент, когда я заканчивал школу, все усилия отца и матери своим манером выжить в новом для них мире выглядели в моих глазах проявлением беспомощности. Я недоумевал: бывают такие ситуации в жизни, ко-

гда участь признавшего своё поражение предпочтительнее, не потому что в ней есть спокойствие и определённая обречённости, но потому что это даёт шанс перенастроить себя с учётом изменившихся обстоятельств. Так мне думалось в то время.

Глядя на родителей, делающих вид, что они и мир существуют параллельно, я тогда думал: к чему привел этот саботаж реалий? Вместо того чтобы бороться за себя всеми возможными способами, они предпочитают утешаться своей нравственной чистотой. В этом мне виделась какая-то дурная, вывороченная гордость бедняка: я беден, но душой богат. Но это никак не отменяло главного: они были жалки в своей беспомощной бедности. Именно – беспомощной. Потому что в наше время только деньги дают возможность решать многие жизненные проблемы и неурядицы.

В тот момент я был уверен, что лучше своих отца с матерью знаю, как надо жить: они, думал я, в силу инерции старческого мышления не в состоянии понять современность, они отстали от жизни навсегда. Но смириться с этим не могут и тешат себя какими-то бреднями о гуманизме, о добродетели и о примате духовности. Вся эта литературная дребедень, пустая болтовня, пропечатанная в книгах, на которые в старших классах я уже глядел с ненавистью, забила все извилины в головах родителей и мешает им увидеть подлинную реальность.

В отличие от детей, сидящих в классе с глазами, высосан-

ными гаджетами, я не пытался учить своих родителей жизни. Но, глядя на стареющих папу и маму, конечно же, мечтал о другой жизни, в которой буду свободен, в которой меня никто не сможет обидеть, потому что богатство (тогда я был в этом уверен на сто процентов) является в наше время самой надёжной защитой от бытовых посягательств на мою свободу. Я очень быстро поверил, что в той жизни, которую начну не по правилам родителей, всё будет как нельзя лучше. И моё уверенное положение в обществе, как на крупном рекламном баннере у скоростной трассы с яркой, кричащей картинкой, будет заявлено, закреплено, навечно зафиксировано в самых высоких сферах, до которых доберусь в ближайшее же время, одеждой топовых брендов, дорогими авто и огромным домом.

Я несколько не сомневался, что у меня получится вырваться из той бедности, в которой прозябали родители, и что рано или поздно сумею вытащить их из позора учительской судьбы.

Схема была простая и до невозможного логичная. Я просто заработаю кучу бабла. Чего проще?

Мне тогда казалось, что в этом лично для меня нет ничего сложного. За примером не приходилось далеко ходить: полуграмотные земляки-односельчане сумели озолотиться в девяностые. Ну а я, сын сельских интеллигентов с нехилым айкью, просто обязан легко и непринуждённо, что называется – на щелчок, в короткие сроки огрести кучу бабок. А появятся

деньги – тут же приобрету свою квартиру-студию. На худой конец – домище в стерлитамакской Рублёвке. В свой особняк придётся ездить. Как? Только на своём джипе! В джип же садиться в дешёвом прикиде – комильфо. Так распалённое воображение ладной стопочкой ярких фотографий складывало в моей голове мечты.

Трудно представить, что когда-то не было смартфонов, Интернета... Как же скучно, наверное, проходила молодость моих родителей, лишённых всех этих благ цифровой цивилизации! Теперь, когда есть возможность читать любую информацию, выпущенную в самых разных углах планеты, когда есть возможность через форумы и социальные сети общаться с людьми, живущими в разных городах и весях и даже в других странах, теперь стало неважно, где ты живёшь: в маленькой деревне или в большом городе. Благодаря Интернету и мои увлечения выходили далеко за пределы того, что могла мне дать жизнь в Янганияне.

В мечтах о другом мире я до глубокой ночи просиживал перед компьютером, изучая сайты, посвящённые самым крутым автомобилям. У меня как-то увязались в одно представления о богатой жизни и дорогие авто. Я был уверен, что именно крутая тачка является той заветной дверью, которая ведёт в мир успешных, пышущих здоровьем, лоснящихся господ со стройной фигурой, брутальным взглядом и двухдневной щетиной, фотографиями которых пестрели сайты, страницы гламурных журналов. Снимки родстеров,

купе, седанов и джипов, блестящих яркими цветами обтекаемых форм, одуряли ощущением досягаемой близости респектабельного мира. Дорогие машины известных фирм стали моим увлечением и страстью. Новенькие иномарки, на которых летом приезжали в Янганимян дачники, жгли всё моё тело невыносимой чесоткой нетерпения.

А вид хоромов, мимо которых каждый день приходилось ходить в школу, заставлял тихо, только губами, обещать себе, что и у меня всё будет, но только ещё круче. Я не сомневался, что схвачу мир за глотку...

О моих мечтаниях отец и мать даже не подозревали: интуитивно я оберегал их от бесполезного раздражения и бессмысленных попыток отрезвить меня с помощью многочасовых нравоучительных лекций, главным содержанием которых были, на мой взгляд, не силлогизмы, но одни только лишние, никому не нужные эмоции.

Я так сильно хотел убежать из дому навстречу своей мечте, что, получив аттестат, в тот же день собрался и вышел на автобусную остановку, чтобы уехать в город. Отец дал на первое время денег в твёрдой уверенности, что меня примут в любой вуз: ведь все ЕГЭ мною были сданы на высокие баллы без особого напряжения.

Невысокий высохший человек в мешковатом поношенном костюме стоял рядом со мной около автобуса в ожидании отправления. Из треугольника расстёгнутой рубашки выглядывала тощая, в сплетении жил, обожжённая солн-

цем шея в сетке морщин,. Под воротником начиналась белая с синеватым отливом, никогда не загоравшая кожа. По учительской привычке громко, не обращая внимания на окружающих, ата быстро, словно боясь не успеть сказать самое важное, говорил банальности о необходимости учиться, чтобы суметь противостоять неожиданностям нашего времени.

Послушав первые несколько фраз, я потерял к отцовскому назиданию интерес: вечно одно и то же, с неудовольствием подумал я о привычке старика долго и нудно воспитывать словами. Не помню, что конкретно он тогда говорил. Помню только, что смотрел на его сухопарую фигурку и чувствовал, как сердце разрывается от жалости к отцу. К этому чувству примешивался в тот момент и стыд за него: вся его судьба убеждала меня в ошибочности того пути, по которому он шёл всё время и куда звал сейчас меня. И невольно вспоминались слова из дневника: «Человек достоин наивысочайшего». Как же далеко оказался мой папа от своего собственного девиза, мысленно восклицал я в тот момент!

Едва Шиханы остались за красными стоп-сигналами автобуса, все отцовские напутствия были забыты. Я даже думать не хотел о том, чтобы тратить пять лет жизни на бесполезное образование. Увлечение автомобилями определило мой выбор: закинув вещи в квартиру тётки, маминой сестры, я тотчас побежал записываться на курсы в ближайшей автошколе. И в тот же день устроился грузчиком в строительном ги-

пермаркете.

В магазине меня взяли на испытательный срок в три месяца с окладом в четыре тысячи рублей и обещанием поднять зарплату в три раза после оформления на постоянную работу. Вчерашнему деревенскому школьнику такое начало взрослой жизни показалось невероятно удачным. В первый же день самостоятельности передо мной замаячила возможность ежемесячно держать в руках двенадцать тысяч тугриков. В деревне такие деньги никому и не снились!

Однако разговоры во время перекуров на складских задах заставили через несколько дней отрезветь и понять, что бодрое начало моей трудовой деятельности в магазине может закончиться вместе с испытательным сроком, если вовремя не подмажу, как говорится, кого надо. Ведь простачков, готовых за копейки работать в надежде на хорошие деньги в будущем, за стеклянными дверями магазина ошиваются тьма тьмушая: они каждый месяц широкими рядами и с широко раскрытыми голодными ртами заходят в просторные створы склада с тем, чтобы, обогатив владельцев, выйти вновь на улицу с пустыми карманом и душой.

Зимой я получил водительские права, успев за это время приобрести опыт работы в разных местах. Кем я только не поработал за это время! Был и гипсокартонщиком, и замерщиком, научился натягивать потолки. Умудрился даже повисеть в сидушке на верёвках, работая монтажником в фирме, специализирующей в строительном альпинизме.

На многих работах приходилось общаться с алкоголиками и откровенными отморозками, но это не смогло убить во мне уверенность, что скоро всё изменится, что вотвот начнётся совсем другая жизнь, которая будет неустанно приближать меня к исполнению желаний.

Получив желанные права, я готов был работать днями и ночами ради своей мечты. Не тут-то было: скоро пришлось убедиться, что никому не нужен водитель без опыта вождения как минимум в пять лет. И я оказался в самом центре заколдованного круга: чтобы приобрести желанный опыт работы, нужно было устроиться на эту самую работу, но устроиться можно было только при наличии долбанного опыта! Я уже было отчаялся, когда совершенно случайно увидел объявление на двери мебельного магазина о том, что срочно требуется водитель микроавтобуса. В мои задачи входило развозить столы, диваны, кресла и вместе с грузчиками заносить их в квартиры покупателей. Рванув навстречу мечте, я ревностно взялся за новую работу: приходил в магазин одним из первых и покидал последним.

Не успел я поверить, что жизнь налаживается, как хозяин объявил, что моя должность сокращается и отныне он сам будет сидеть за рулём фургона. Всё это называлось оптимизацией бизнеса: ничего личного, сынок, это только бизнес. На самом же деле когда-то процветавший магазин испытывал трудности, как и все вокруг. Заводы простаивали, оставшиеся без денег горожане думать забыли об обновлении ин-

терьера своих квартир. По всему городу лопались компании, везде висели объявления о финальной распродаже товара, мёртвыми стёклами смотрели на улицы витрины пустующих торговых залов. Даже в закутках с дешёвыми китайскими поделками одиноко сидели скучающие продавцы в ожидании покупателей. В общем, Боливар не вынесет двоих... и я остался посреди голой степи без Боливара и без надежды...

Пришла чёрная полоса. На душе было смурно. Я шёл по скверу в густой тени старых тополей и клёнов вдоль дороги, которая гудела машинами. В кармане лежала трудовая книжка.

Возвращаться домой к родителям не было никакого желания.

Что меня там ждало? Молчаливые упрёки отца, отдавшего мне накопления многих лет, чтобы я специально обрушил все его надежды? Насмешки односельчан, в глазах которых останусь интеллигентским сынком-неудачником? Казалось, нет выхода из тупика, в котором я оказался.

– Дамир! – неожиданно для меня раздалось за спиной. – Здравствуй!

Я обернулся на голос. Передо мной стояла совершенно незнакомая и яркая красавица в пёстром летнем платье, подчёркивавшем её хрупкую женственность. В то же время весь облик девушки словно дышал вызовом: распущенные густые иссиня-чёрные волосы, из-под которых огнями вспыхивали

на солнце большие круглые серьги, алая помада, подчёркивавшая пухлые контуры губ, весело и пристально смотревшие на меня глаза, подведённые чёрной тушью, оттенявшей их изумрудную зелень. С одной стороны, внешность девушки притягивала к себе взгляд, но, с другой, прожив в городе год, я уже понимал, что пристрастие к пестроте и броскости в одежде характерна именно для деревенских девчонок, только-только приехавших в город и наивно полагавших, что именно так должна выглядеть амазонка бетонно-кирпичных джунглей. В то же время в этих кричащих красках наряда деревенских простушек всегда чувствуется неосознанный протест против скучной деревенской обыденности, когда измождённые заботами люди годами ходят в застиранной, привычным образом грязноватой одежде, потому что на селе просто невозможно уйти от въедливой пыли, грязи, живущих на просёлочных дорогах, в огородах и сараях.

Напряжённое ожидание девушки заставило наконец-таки угадать Ляйсан...

В коридорах нашей школы эта черноволосая девочка появилась вместе со многими другими детьми после того, как произошло объединение и закрылись школы в двух соседних сёлах. Мне Ляйсан запомнилась как обыкновенная школьница-отличница в простеньком платьице, с аккуратно зачёсанными за уши волосами, собранными на затылке в конский хвост. Ничего примечательного. Одна из многих младшекласниц.

В тот памятный день на улице Стерлитамака передо мной стояла уже не девочка из младшего класса, а почти женщина: и тушь, и помада делали Ляйсан до неузнаваемости старше.

– Ого! Ляйсан, ну ты даёшь! Как изменилась! Здравствуй, – удивляясь, не нашёл ничего лучше, как сказать: – ты как здесь оказалась? Ты приехала в город?

– Нет, – засмеялась Ляйсан, обнажив ряд белых ровных зубов, – я осталась дома! Не видишь? Конечно, приехала! И сразу такая удача: не успела сесть в троллейбус и отъехать от автовокзала, как увидела тебя. Сразу выскочила на ближайшей остановке и побежала тебя догонять. А ты идёшь и ничего вокруг не видишь. Что-нибудь случилось?

– Всё нормально. Просто возникли кое-какие трудности. Вот я и обдумывал их по дороге на работу.

– Торопишься? – в её глазах мелькнула растерянность. – Если тебе сейчас неудобно, давай завтра или ещё когда встретимся... Когда у тебя будет время...

– Нет-нет... – я поспешил погасить огонёк неуверенности в её глазах. – Торопиться особенно некуда. Рабочий день у меня, понимаешь, такой... ненормированный. Погоди! – спохватился я. – Как завтра? Тебе разве не надо в школу?

– Дурачок, – звонко рассмеялась Ляйсан, прикрыв ладонью рот, – совсем оторвался от реальности! Во-первых, сейчас лето. Во-вторых, я закончила школу в этом году. Всё! Финита ля комедия!

Я мысленно хлопнул себя по лбу: Ляйсан, и правда, учи-

лась в классе на год младше меня. Родители любили дома обсуждать своих учеников, и её имя часто звучало в разговорах за обеденным столом. По мнению отца, она подавала большие надежды. И если бы не постоянные разговоры родителей, нахваливающих прилежную ученицу, никогда бы не запомнилась мне эта девочка, по имени Ляйсан. Во-первых, потому что для учеников разница в один класс – это почти вековая пропасть между двумя поколениями школьников, и старшеклассники могут общаться с младшими исключительно с позиций снисходительной небрежности; во-вторых, потому что эта девчонка всегда держалась особняком, на переменах сидела где-нибудь в уголочке и всё читала учебники и другие умные книжки по химии.

– Поздравляю! Как там мои родители?

– А ты с ними не общаешься?

– Н-нет... Как-то не получается... найти время.

– Ясно... Ты хоть в курсе того, как себя чувствовали твои родители, когда узнали, что ты никуда не стал поступать? Нет? Так вот. Твой папа тогда сильно расстроился. Все его коллеги боялись, что он заболит на нервной почве. Первое время даже забывался на уроках и совсем не обращал внимания на то, что происходило в классе. Многие мои одноклассники тогда пользовались его душевным состоянием и занимались на уроках чем хотели: болтали, играли в карты, слушали музыку, играли в телефонах. А я готовилась к экзаменам.

– Кто бы сомневался... – новость об отце резанула, но перед девушкой не хотелось показать, что расстроился. С усилием выдавил: – Молодец! Надеюсь, у тебя всё отлично.

– О! Это да-а! – Ляйсан многозначительно закивала головой. – Все ЕГЭ на девяносто и выше!

– Ого! Наверное, в МГУ поедешь поступать? Или в Уфе выбрала вуз?

– Нет. Что ты! Ни в какую Уфу я не поеду. И вообще, никуда поступать не собираюсь. Как ты... – девушка стала осторожно подбирать слова, останавливаясь, чтобы точнее выразиться. – Во-первых, у моих родителей нет таких денег, чтобы позволить мне учиться. Во-вторых... Знаешь, когда в школе узнали, что ты, на кого все учителя смотрели как на будущего студента самого престижного университета, попросту сбежал из деревни и пошёл в городе работать простым грузчиком в магазине, а потом выучился на обыкновенного шофёра... это стало для всех шоком. Тебя обсуждали на всех школьных углах. А потом твою фотографию сняли со стенда «Ими гордится школа»... Многие злорадствовали. Ну, а я задумалась. И вот до чего додумалась... Из поколения в поколение родители в нашем ауле мечтают, чтобы их дети получили высшее образование. И когда кто-то из наших, янганиямьяновских, поступает в вуз, к нему и к его родителям в деревне сразу появляется почтительное уважение: вот, мол, в люди вышел, а был такой шалопай. Взрослым до сих пор кажется, что вузовский диплом откроет их

детям двери в лучшую, безбедную жизнь. Они не понимают, что времена изменились. В новом мире всё не так, как было раньше. Теперь уважается не образованность, но количество денег в кошельке... Что ты знаешь про своих одноклассников?

Вопрос несколько озадачил меня. В течение года я был настолько увлечён своим желанием пробиться, что практически потерял связь с одноклассниками. Даже с теми, с кем водил дружбу.

– Насколько знаю, – вспомнилась последняя случайная встреча с Фаилем, когда тот бродил по Стерлитамаку в ожидании автобуса до уфимского аэропорта, – все пацаны из моего класса мотнули либо в Ноябрьск, либо в Нижневартовск.

– Во-во! Об этом же мечтают и мои одноклассники, потому что понимают, что в нашей жизни надо много зарабатывать. Но при этом они уверены, что всё в этой жизни давно куплено, а у них остался только один-единственный шанс – вкалывать на северах всю жизнь, оставляя там свою молодость, здоровье. В противном случае ты обречён нищенствовать в родной деревне, чтобы годам к тридцати спиться и умереть где-нибудь под забором в собственной блевотине. И они верят, что тяжёлая физическая работа позволит им добиться более или менее пристойной жизни... Не знаю, может быть, у них всё и получится. Но это всё равно будет предсказуемая и скучная жизнь, как и жизнь деревенского алкаша. Заведут семьи, купят крохотные квартир-

ки в городе и будут с жёнами, капризными детишками приезжать на выходные в родную деревню, чтобы устроить пикник на речке. Помнишь, наверное, то место на берегу, где каждое лето проводят сабантуй? Там ещё жарят шашлыки, купаются, встречаются с друзьями, чтобы друг перед другом повыделываться, изображая успешных людей? Те, кто уехал в город и нашёл там работу, с презрением смотрят на своих земляков, оставшихся в деревне. Я уж не говорю про тех, кто вахтовым способом летает в Сибирь. У них, вообще, нос вырастает до небес. И так хвастаться друг перед другом они будут до старости!

От этих мыслей мне становится тошно! Я ТАК жить не хочу! Я мечтаю объездить весь мир! Хочу, чтобы моя жизнь была полна самых ярких красок, впечатлений! Я не хочу долгие годы мечтать о своих ничтожных квадратных метрах и полжизни копить деньги, скрупулёзно подсчитывая, какую сумму можно отложить на лучшую жизнь. Закончить университет и радоваться тому, что удалось скопить на какой-нибудь отельчик в Турции, где («О! предел всех желаний!» – кривляясь добавила она) всё включено – тоже не вариант. Мне нужно всё и сразу, пока я ещё молода и полна сил, пока ещё могу радоваться жизни. Зачем мне прелести мира в сорок лет, если я к тому времени превращусь в дряхлую некрасивую старуху, на которую противно будет смотреть? Не хочу доживать до отвратительной старости!!! Даже представить не могу, что мне когда-нибудь стукнет сорок,

а потом пятьдесят. Жизнь должна быть короткой, но яркой. Надо умирать, пока красива! Тогда о тебе будут по-настоящему скорбеть. А кто будет оплакивать умершую старуху? Наоборот, все облегчённо вздохнут: наконец-то окочурилась отвратительная баба-яга...

Поэтому я решила поехать в Москву, но не для того, чтобы учиться. Москва – это город великих возможностей! Только там сейчас можно многого добиться и осуществить все свои мечты. И я хотела с тобой встретиться, чтобы предложить поехать вместе... Ты как? Согласен?

Мне было приятно услышать приглашение от такой красавицы, в которую превратилась Ляйсан. Поэтому я не стал задаваться вопросом, почему именно на меня пал выбор. С нею отправлюсь навстречу московским приключениям! К тому же провинциальный городок мне больше ничего не мог предложить. И ещё один сильный аргумент тут же возник в голове и снял возможные сомнения – осенью начнётся воинский призыв. Служить в армии никак не входило тогда в мои, пацифистские, планы. До Москвы, решил я, повестки из военкомата не дойдут, потому что никто знать не будет, где меня искать.

Мы были люди не гордые, не избалованные жизнью. Поэтому, как пишут в романах, в одно прекрасное утро встретились на площадке у бывшего магазина «Яблоко», сели в микроавтобус и двинулись в путь...

– Живо в машину! – приказывает Бутурлин и вскакивает на переднее сиденье рядом со мной. Я плавно вывожу чёрный GMC Yukon за ворота по узкой дороге, усыпанной щебнем, который с хрустом вдавливаются в землю колёсами, выезжаю на Симферопольское шоссе и медленно нажимаю на педаль газа: «Куда?». – «Пока едем прямо. До МКАДа. Там скажу, куда дальше ехать», – Сан Саныч хватается за скобу над головой.

Обычно, если ему доводится ездить со мной по делам без нашего директора, Бутурлин расслабляется, разваливается в кресле и достаёт из кожаного футляра кубинскую сигару. Пристрастие к гаванскому табаку у него появилось с тех самых пор, как в кабинете Вадима Борисовича повесили картину в массивной золочёной раме. На ней очень модный в Москве художник, воображающий себя современным Веласкесом, а потому отрастивший себе испанскую бородку, густые усы и длинные седые космы до плеч, написал маслом портрет Аль Пачино в известной роли. Тони Монтана на холсте сидит в глубоком кожаном кресле с бокалом красного вина в одной руке и сигарой – в другой. В распахнутой на груди белой сорочке художник тщательно прорисовал золотыми искрами переливающуюся массивную цепочку. Этот живописный «шедевр» не особенно смотрится в кабинете плюшевого толстячка Вадима Борисовича, но на Бутурлина портрет производит гипнотическое влияние: Сан Саныч всякий раз, как попадает в директорский кабинет, не отрываясь,

пристально вглядывается в холодный прищур Тони.

Сам Бутурлин мало походит на мелкого и худосочного Аль Пачино. Высокий кряжистый мужик лет под пятьдесят не даёт никому, в том числе и себе, забыть, что в недавнем прошлом служил в армии: стриженные ёжиком светлые волосы с небольшим чубчиком надо лбом, привычка держаться прямо, точные, экономные движения, короткие фразы офи-

цера, всю сознательную жизнь говорившего языком команд, сильное тело, приученное к ежедневным тренировкам. Он любит носить приталенные джинсовые рубашки, чтобы подчеркнуть рельефы своего накачанного торса.

А в целом, он производит впечатление волка, потерявшего свою стаю и ищущего вожака, которому можно смотреть в спину, чтобы вновь бежать вперёд, не думая ни о чём, но только быстро и чётко выполняя его команды. Стаю свою Бутурлин найти не может, а потому приходится работать головой, что, в общем-то, у него неплохо получается.

В этот раз Сан Саныч не вспоминает о сигарах. Он в тяжёлых раздумьях потирает подбородок. Дима и Бизон на заднем сиденье щёлкают затворами пистолетов, готовясь к работе.

На МКАДе Бутурлин велит повернуть направо. Мимо нас проплывают неоновые огни «Vegas'a», а совсем скоро впереди вырастают громадные чаши градирен ТЭЦ рядом с Капотней, чадающей грязно-белым дымом, медленно уплывающим в сторону Братеево, жители которого постоянно чихают и кашляют от першения в носу и горле.

Я вставляю в радиолу флешку и загружаю музыку.

Хоть убейте меня! Но не могу ехать в машине без современных мелодий. Сочетание движения и драйвового ритма создаёт невероятно объёмное ощущение скорости на дороге. «Bank robbery, we go in and we lieve with the cash. We just

getting what we need, see no reason to ask...»

– Ты что-нибудь русское можешь включить? – сердится Бутурлин. Он, как и полагается бывшему офицеру, большой любитель патриотической музыки. Ему нравятся песни в духе «Расплескалась синева, расплескалась, По тельняшкам разлилась, по берегам».

– Сан Саныч, погоди чуток. Можно дослушать?

– Дослушать? Неужели понимаешь, о чём там поют?

– Могу немного разобрать...

– Вот то-то, что немного. Своё надо слушать!

– Сан Саныч, нашего-то ничего толкового в последнее время нет. Всё какая-то лабуда. Только и слышно: Минь сина яратам², подходи к воротам!

– Чего? – закрутил в изумлении зрачками Бутурлин.

– Неправда! – кричит сзади Димка. – Ты Басту слушал? Его рэп в тысячу раз интереснее слушать, чем Тимати! У него очень так... со смыслом. Без гламура. Есть над чем подумать. Или вон... Хаски. Тоже ничего. Правда, немного заунывно. А вот у Басты, прямо... даже не знаю, как сказать. По коже мурашки.

– Да не люблю я русский рэп! – раздражённо оглядываюсь на Димку. – Это всё равно что говорить про русские хокку, танку. Ты вслушайся в эту песню. Слышишь, о чём поют?

– Stack a couple bit coins, hold up on my Nakamoto! – несётся речитативом из динамиков.

² Минь сина яратам (татар.) – я тебя люблю

– Знаешь, кто такой Накамото? – поворачиваюсь я к Бутурлину.

– Япошка какой-то, – презрительно фыркает тот.

– Про криптовалюту слышал?

Бутурлин застывает в напряжённой попытке понять новое слово.

– Я! Я слышал! – радостно отзывается всё тот же Димка. – Классная штука! Про неё теперь все, кому не лень, говорят.

– Ну и что же это такое? – пихает Димку в бок Бизон.

– Цифровая валюта. Она добывается с помощью майнинга в Интернете. Есть биткоины, есть эфириумы и десятка два других виртуальных монет.

– Money! Money! Money! Money! – поддакивает радио. – Hold up on my Nakamoto!

– Да ну вас! – в сердцах бросает Сан Саныч. – Чушь полнейшая! На идиотов рассчитанная. Неужели непонятно? Мы живём в мире, где все друг друга норовят надуть! Уже давным-давно никому не верю, ни одному человеку! Потому как знаю, что и эта дичь тоже выдумана на то, чтобы денюжки из карманов таких простачков, как вы, вытянуть. Вы... Вы! Которые ведётесь на непонятные словечки! – разозлившись, Сан Саныч не может найти слов для того, чтобы выразить своё негодование, поэтому командует: – Выключай давай эту ерунду, Буратино! Найди что-нибудь нормальное! Там... «Любэ», например. Только звук приглуши немного. Мне надо спокойно всё обдумать.

Я послушно выполняю волю Бутурлина.

«Разреши», – обращаюсь я к нему. Бутурлин не сразу понимает, но как только до него доходит смысл моей просьбы, тут же приподнимает локоть и даёт возможность отодвинуть крышку подлокотника и кинуть внутрь флешку.

Нахожу «Русское радио». И тут же по салону разносится томное:

Завтра я буду дома,
Завтра я буду пьяный,
Но никогда не забуду,
Как к щеке прикоснулся губами!

– Тоже нормально, – бурчит, морщась, Сан Саныч и снова принимается в задумчивости потирать подбородок...

Я хорошо знаю Капотню – район Москвы, лежащий от столицы по другую сторону и МКАДа, и Москва-реки. Он более похож на отдельный городок, примыкающий к Москве, чем на столичный район.

Капотня была первым местом нашего обитания в Москве. Не знаю, каким образом, но Ляйсан сумела заранее раздобыть адрес. Поэтому, оказавшись в главном городе России, мы уже знали, куда ехать. В Капотне мы довольно быстро нашли выселенный дом, предназначенный под снос.

В каком году был вынесен приговор этому зданию, когда выселили жителей и когда должен был случиться этот самый

снос, никто не знал: в состоянии беспросветного уныния обречённого на смерть существа пятиэтажка стояла уже лет десять и по-старчески слепо и беззащитно смотрела на улицу. Дом терпеливо годами привечал в клетках своего кирпично-бетонного остова самую разную молодёжь.

В брошенных квартирах селились парни и девушки, приехавшие из дальних уголков нашей огромной страны с одной целью – покорить столицу, положить её к своим ногам. Они по-муравьиному бережливо стаскивали отовсюду бесхозную мебель, создавали, как могли, из подручного материала более-менее приемлемый уют, и жили, не тратя денег на оплату жилья. Так я познакомился со сквоттингом.

Обжитых квартир в том подъезде брошенного дома, где мы поселились и откуда началась наша московская эпопея, было три. Доселе никогда не мог подозревать, что можно, оказывается, совершенно, казалось бы, непригодное для людей место превратить в уголок, в котором есть всё необходимое для комфортного существования.

Однажды мы с Бутурлиным, разруливая тяжёлую историю с кредитами, которые удалось каким-то манером набрать гастарбайтерам, посетили одно огромное подвальное помещение, приспособленное ими под жильё. Подвал бескрайним стадионом растянулся подо всем домом, и всё пространство безразмерного подвала было разделено с помощью гипсокартона, фанеры и просто листов картона на комнатки. Одни из них отведены под спальни, другие закуточки превращены

в подобие кухни и были пригодны для приготовления еды, в третьих были расставлены диваны и журнальные столики, украшенные вазами с цветами: там несколько человек могли посидеть и расслабленно поговорить на разные темы. И все эти клетушки оказались переполнены хорошей мебелью, бытовой техникой. Правда, всё, что называется, бэушное, найденное на свалках и отремонтированное, но всё же, всё же...

В Москве много тайн и много самых разных, самых неожиданных форм существования человека. Сытые москвичи даже не подозревают, на что согласны и на какие жертвы готовы пойти люди, недавно приехавшие в один из самых энергичных городов мира, лишь бы только зацепиться за него и реализовать своё страстное желание изменить судьбу к лучшему, вырваться из железного плена бедности.

В двухкомнатной квартире брошенного дома в Пятом квартале Капотни, где и для нас нашлось местечко, одну из комнат занимали девушки, другую – парни; ещё пара странных типов, вроде как начинающих поэтов или писателей, ночевала на кухне. Где-то я услышал, что эти бумагомайки жили на кухне последние лет пять и всё подавали и подавали надежды и никак не могли их добавить.

Будущие мастера пера и чернил целыми днями сидели дома и отрешённым взглядом смотрели за окно в поисках вдохновения в порывах ветра, злобно сбивающего с деревьев жёлтые листья, которые пёстрым ковром устилали плитку пешеходных дорожек; в медленно плывущих по небу

ватно-белых облаках, прихотливо меняющих свои формы; в многооконных желтоглазых сотах Марьино, вырастающего бетонными ульями домов за Москва-рекой. Но муза всё никак не приходила на свидание с творцами. Огорчённые обстоятельством вечером они исчезали, оставив на кухонном столе девственно чистые листы «SvetoCopy», и наподобие древних римлян истово искали истину в вине. По-моему, с истиной у них было так же грустно...

Правило общежития в нашей квартире было одно, но железное – никому не мешать спать. У всех соседей амбиции хлестали через край. Все работали как рабы на галерах в твёрдой уверенности в своих силах, в пробивной силе своего характера. Поэтому все вставали ни свет ни заря и разъезжались по разным углам Москвы с тем, чтобы поздним вечером вернуться и без сил рухнуть на кровать, забывшись в коротком тревожном сне. Такой образ жизни исключал любую возможность хоть с кем-то из соседей сойтись поближе.

Если кому-то из жильцов удача наконец-то улыбалась, он молча собирал свои вещи и съезжал в нормальные человеческие условия, на квартиру, которую мог уже позволить себе снимать за деньги. Место исчезнувшего в московских неоглядных дебрях счастливица немедленно занимал новичок, горящий желанием очаровать столицу своим присутствием.

Нас с Ляйсан Москва сразу взяла в свой плен. Мы сразу были покорены её бешеным темпом. Однажды в троллейбу-

се я увидел слоган «Город, который никогда не спит». И это правда. Очень скоро мы с Ляйсан убедились в справедливости этого выражения. Здесь всё происходит в десятки раз быстрее, чем где бы то ни было, и здесь жизнь бурлит круглые сутки.

Первое время ещё вспоминались янганимяновские безлюдные по вечерам улицы, глухие ночи с одиноким фонарём на площадке у сельсовета и редким взлаиванием тоскующих собак за крепко запертыми воротами. Но потом кипение столичной жизни, запах больших денег, которым пропитан московский воздух, яркие соблазны беспечного существования постепенно стали действовать как морфий, выжигающий из памяти прошлое, которое постепенно приобретало очертания несуществующей призрачности. Громадный бурлящий муравейник мегаполиса стал единственным важным для нас местом в огромном мире: и мысль о возвращении в Янганимян казалась странной, нелепой и даже чудовищной. Из Москвы уехать оказалось невозможно из-за непреодолимой силы притяжения ослепительных огней широких проспектов.

Но особенно сильно кружило голову ощущение полной свободы, которую дарит Москва: ты можешь быть кем угодно, одеваться как угодно, заниматься чем угодно – никому до этого дела нет. В многомиллионной толпе, топчущей своими ногами раскалённые мостовые столицы, человеку предоставлена полная свобода выбора. Даже нищета

здесь воспринимается как личное желание. Работы в Москве навалом – берись за любую, надо только решиться. В этом принципиальное отличие столичной жизни от жизни в нашей маленькой деревушке, где судьбе перепачканного мазутом тракториста или комбайнёра альтернативой может быть только участь пастуха или пьяницы.

Никакая работа в Москве не превращается в судьбу. Если не захочешь, если что-то не устраивает, в любой момент можешь уйти без боязни остаться ни с чем. Чувство безграничной свободы стало ещё одним серьёзным поводом сказать себе: мы больше никогда не вернёмся в деревню. Всё что угодно, но только не дремотно вялое течение времени в глуши, где все про всех всё знают до тоски, до лютого озлобления на мир. Мы словно наркоманы крепко подсели на ритмы мегаполиса в стиле техно, эр-энд-би, рэпа, трэпа, изрыгающего местами звуки старого доброго хард-рока.

На первых порах мы хватались за всё, что ни подворачивалось, лишь бы была возможность покупать себе еду и одежду. Наконец пришло такое время, когда понемногу стало получаться откладывать небольшие деньги. Их запас был хоть и небольшой, но придавал уверенности, и понемногу мы становились более требовательными к рабочему месту.

Начался период, когда мы с Ляйсан даже с каким-то азартом меняли одну профессию на другую в поисках более высокой зарплаты. Я перебрал с десятков должностей, пока не подвернулась вакансия личного водителя генерального

директора «Астро-банка».

Вадим Борисович лично проводил собеседование с кандидатами и удивил тем, что первый вопрос, обращённый ко мне, был не про опыт вождения, а про мой зодиакальный знак. Позже я узнал, что Вадим Борисович – страстный поклонник астрологии и прочих эзотерических учений. Его совершенно не интересовала моя трудовая биография. После сложных астрологических вычислений Вадим Борисович решил, что из всех претендентов я более всего подхожу на роль чела, которому можно доверить руль громадного членовоза.

Так как в служебные обязанности личного водителя директора входит умение вовремя быть слепым, глухим и немым, то мой оклад на сегодняшний день можно считать одним из неплохих даже по московским меркам.

Ляйсан благодаря въевшейся привычке усердно учиться к тому времени закончила бухгалтерские курсы и нашла место в одной строительной компании, агрессивно рекламирующей во всех средствах массовой информации свои проекты. Скелеты их домов с выпирающими рёбрами недостроенных балконов в окружении остроносых кранов торчат по окраинам Москвы и ближайшему Подмоскovie. От Ляйсан также требуется умение молчать и не замечать ничего, кроме предварительных оплат от будущих счастливых обладателей канареечных квартирок, вырастающих рядом с очистными сооружениями, отравляющими воздух округи своими ядовитыми испарениями. Но об этом неудобстве ме-

неджеры компании деликатно умалчивали, оставляя право на знакомство в будущем с окрестностями своим клиентам.

Несмотря на строгие правила, запрещающие сотрудникам распускать языки и общаться друг с другом в рабочее время, у Ляйсан очень скоро появились подруги, с которыми она может говорить по телефону едва ли не по полдня. Да и у меня сложился какой-то круг общения. Хотя, в отличие от Ляйсан, я предпочитаю держаться на работе отстранённо, не особо подпуская к себе коллег. Мне так легче: шапочное знакомство, лёгкое общение без того, чтобы слушать чьи-то исповедальные рассказы, которые ставят тебя перед неприятной необходимостью раскрывать в ответ свою душу.

Обрастая знакомыми на работе, втягиваясь в новые привычки, мы уже не чувствовали себя чужаками в Москве. Город уже не выглядел пугающим непредсказуемостью своего пространства, на котором так легко потеряться в лабиринте бесконечных улиц, закоулков. По многим пешеходным дорожкам в центре Москвы, застывшим в истории, мы уже бегаем, зная каждый поворот, каждый короткий путь дворами. И для нас есть особенное удовольствие в том, чтобы уходить в сторону от шумных проспектов, привлекающих толпы туристов, в тишину кривых узких переулков, тупичков, тем самым отделяя себя от тех, кто смотрит на Москву глазами завистливого путешественника.

И однажды наступил такой день, когда Ляйсан предложила покинуть Капотню и вместе снять квартиру в юго-запад-

ном районе Москвы. Выбор района объяснялся тем, что Ляйсан надо каждое утро ехать в Новую Москву, где находится головная контора её строительной компании. Да и мне, в принципе, проще добираться с Юго-Запада до усадьбы Вадима Борисовича на Симферопольском шоссе. К тому же мы давно в разговорах друг с другом нет-нет да и роняли, как хорошо было бы жить на Юго-Западе.

Правда, каждый из нас рассматривал этот вариант исключительно для себя. Поэтому её предложение жить вместе застало меня врасплох. Что называется, ничто не предполагало: всё это время мы обычно встречались с нею перед сном на кухне, где быстренько, эскизом пересказывали друг другу главные события дня. За всё время жизни в Москве всего лишь несколько раз удалось вместе выйти на прогулку, но это были прогулки двух земляков, попавших на «terra incognita», которые больше приходили в восторг от того, что им открывалось в пестроте московских улиц, чем от того, что есть возможность на этих улицах общаться друг с другом. Ни о каких отношениях не могло быть и речи.

– Как ты себе представляешь нашу совместную жизнь? Ведь хозяин квартиры, которую мы будем снимать, обязательно поинтересуется, кем мы друг другу приходимся.

– Вовсе не обязательно. Какое ему дело, кто живёт? Лишь бы платили вовремя и вели себя смирно... Ну а если спросит, скажем, что мы в гражданском браке. Или у тебя кто-то есть?

– Н-н-нет... Никого у меня нет... Кроме тебя. Но...

– Может, я тебе не нравлюсь?

– Почему? – я не сразу понял вопрос и покрылся от неожиданности потом. – Очень... нравишься.

– Тогда в чём проблема? Но если тебя это напрягает, назовёмся двоюродными братом и сестрой.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Скажем, что мы жених и невеста. – Ты уверен?

Я не был уверен, поэтому неопределённо пожал плечами.

– Вообще-то, я могу поселиться с девчонками. У меня есть два варианта. Первый – меня зовут девчонки из отдела продаж жить с ними в однокомнатной квартире. Но жить с тремя девушками... легче, знаешь, в серпентарии работать. У каждой будут свои заморочки. Одна окажется неряхой и начнёт разбрасывать по всей квартире вычесанные волосы. Другая захламит комнату дешёвыми вещами, купленными где-нибудь в «Садовом» или торговом центре «Москва» в Люблино. Ну а третья, как очень скоро выяснится, любит мужчин и начнёт их принимать в квартире без нашего ведома.

Второй вариант – это Валерия, моя подруга. Вместе в бухгалтерии работаем. Она готова выделить угол в своей квартире. Но быть приживалкой в чужом доме и жить вместе с хозяйкой не хочу: очень скоро она привыкнет и начнёт придирается ко всяким мелочам, которые нарушают привыч-

ный для неё образ жизни, тут и дружбе придёт конец. Тебя же я знаю со школы. И знаю, что ты покладистый, спокойный, легко приспосабливаешься к любым условиям, лишь бы был кров и чтобы ничто не мешало тебе идти к намеченной цели... И, знаешь, я уверена, что ты обязательно многого добьёшься. К тому же ты мужчина и всегда сумеешь (наигранно-плаксивым голосом произнесла Ляйсан) защитить бедную, несчастную девушку из родного аула и помочь ей в трудную минуту.

Она положила голову на мою грудь и нежно обняла за шею. Я почувствовал нежный аромат ее волос и мягкое прикосновение упругой груди. Голова пошла кругом...

– Дамир! Эй! – Бутурлин трясёт меня за плечо. – Ты что?! Оглух?! Кричу тебе, кричу – никакого ответа. Уснул, что ли? Чего молчишь? О чём задумался? Скоро поворот на Волгоградку! Сворачивай туда. Едем в баню, где вчера босс с Сохатым парились.

– Вот так пироги с котятами, – присвистнул Димка, – а что мы там будем делать с нашими пистолетами? Бабульку, которая вчера баню запирала, пугать? Или будем голых баб гонять?

– Шутки на сегодня забыть! – сурово обрывает его Бутурлин. – Дело крайне серьёзное. Наверное, помните, что вчера после сауны Сохатому один чувак, такой какой-то потасканный весь, передал... И он передал ему... даже не знаю, как

сказать... барсетка не барсетка, кошелёк не кошелёк... Ну, – Сан Саныч нетерпеливо щёлкает пальцами, – сейчас модно ходить с такими огромными... блин! Как его? Ну... мужики в руках носят...

– Портмоне, – подсказывает Димка.

– Вот-вот! Так этот чел Сохатому портмоне привёз. Помните? Так вот. Когда Сохатый прилетел к себе в Мурманск и пришёл в себя, сразу про портмоне вспомнил. А его при нём не оказалось. Стал спрашивать у Мозга. А тот тоже ничего сказать не может, потому как вчера, когда встречал Сохатого в аэропорту, про портмоне ничего не знал. Следовательно, и когда тащил своего босса в зал для ВИП-персон, совсем не отслеживал, был ли этот клятый кошелёк при Сохатом или не был. Проглядел, в общем. Поэтому Сохатый сегодня ночью вылетает сюда со своими людьми. И знаете, что он думает по этому поводу?

Этот старый пень, больной на всю свою плешивую голову, почему-то решил, что портмоне присвоил Вадим Борисович или кто-то из нас. И ему плевать на то, что Вадим Борисович ни черта не помнит. Сохатому хоть кол на голове чеши! Раз решил, что Вадим Борисович виноват, так ничем его с этой мысли не сдвинешь. Не верит ни одному слову Борисыча. Знай только твердит, что тот ему втирает, отмазаться хочет. Теперь Борисыч дрожит как осиновый лист. По его словам, Сохатый в телефон бешено орал и угрожал Борисычу задницу на затылок натянуть. А этот енок слов на ветер не бросает.

Вот такая картина, а не пироги с котятами. Что всё это для нас значит? А вот что: до прилёта Сохатого надо нам найти грёбаное портмоне. Иначе всем будет кирдык. Этот хренов хмырь начнёт трясти каждого, аки грушу поповскую. Ясно?

– Нет, – сипит Бизон, упираясь своими коленями через спинку кресла в мой позвоночник (этому великану даже в Yukon'е очень тесно), – Что там такого, в этом портмоне? Документы какие-нибудь? Из-за чего такой кипеж?

– Объясняю, – Бутурлин говорит нарочито медленно, – деловой партнёр Вадима Борисовича, по прозвищу Сохатый, получил в этом портмоне большую сумму денег от другого своего партнёра. Эти деньги привезли к бане и отдали прямо в руки, как только Сохатый вышел на улицу. А они, денежки эти самые, тю-тю – растворились неизвестно как и где. Как? Куда? – Ничего не известно. Единственное, что знаем доподлинно: около бани деньги ещё были в руках Сохатого, а в Мурманске их уже нет. Вечером он с ними, утром – без них.

– Всё утро до отлёта с ним был Мозг? – интересуется Бизон.

– Да. И что? – настороженно глядит на него Сан Саныч.

– Да так, ничего, – хмыкает Бизон, – я этого Мозгового знаю ещё с тех пор, когда он салагой в юниорской команде за свой Мурманск выступал на соревнованиях тяжелоатлетов. А чуть повзрослев, занялся разбоем и рэкетом. За что два раза отсидел: один раз в детской колонии, а второй –

уже во взрослой. Там он оказался среди настоящих уголовников, которые, как мне известно, свели Мозгового с людьми Сохатого. Ну и, когда Мозг вышел на свободу, то сразу отправился к этому авторитету. С тех пор он в личной охране у Сохатого и по совместительству работает вышибалой: ходит по фирмам разным и проценты с ихнего бизнеса вышибает. По-другому, выходит, что тот же рэкет, только на дядю. Тот же грабёж, но под надёжной защитой авторитета, который процент за грабёж нехилый отваливает Мозгу.

– Ну и к чему ты всё это нам про Мозгового рассказал?

– Я бы в первую очередь его прошмонал.

– Ты думаешь, Сохатый до такой степени глуп, что не сделал этого? – с лёгким раздражением возражает Бутурлин. – Именно с этого и начал. Тряс Мозгового так, что тот, я уверен, до сих пор очухаться не может. У Сохатого нет на него ничего. Понятно? Мозг чистый.

– Большую сумму получил – это сколько? – влезает в разговор Димка, и, встретившись глазами с Бутурлиным, поясняет: – Имею право знать, за что пострадать могу, если что.

– Пол-ляма евро, – натужно зевает Сан Саныч.

– Ничё себе! – ахает Димка. – Это ж сколько в рублях получается?

– Неважно. В рублях, в евро – какая разница?! – сердито отзывается Бутурлин. – Для серьёзных людей не такая это и сумма, чтобы рисковать и связываться с Сохатым: себе дороже. Судя по всему, кто-то по скудости ума решил, что

у него получится денег стырить.

– Ты хочешь сказать, что это маленькая сумма? – разевает в изумлении рот Димка. – Я не ослышался? Нифигасе... так если что...

– Димон! Для тебя или для кого другого, да и для меня тоже, это, конечно же, громадные деньги. Нам с тобой за всю жизнь таких денег в руках не держать. Но там, где наш Борисыч вращается, полмиллиона евро мало что решают.

– Да всё равно! Решают – не решают, много – мало! Какая разница. Даже если это для Сохатого мелочь, всё равно вопрос возникает: какой дурак велит полмиллиона (театрально пропел Димка) ого-го-ойро в баню везти, да ещё на ночь глядя? – он в недоумении разводит руками. – Они ж, то есть Сохатый с Вадим Борисовичем, из бани вышли пьяные в драбадан: едва до машины добрались, как почти сразу друг за другом скопытились. И как можно было такие деньги отдавать человеку в состоянии полного в буквальном смысле слова нестояния? Сохатый не понимал, что ли, когда напивался, что ему такие деньжищи должны привезти? Он же умный старик. Как-то не того это всё... Странно смотрится.

– Вот и я о том же. – неожиданно проникновенно произносит Бутурлин. – Всю дорогу думал? Мутная какая-то история, я вам скажу. Зачем – тут Димыч прав – Сохатому приспичило деньги поздним вечером у бани получать? Неужели другого места не было? А если всё-таки срочная какая-то нужда была, то почему так напился? И опять Дима

прав, когда говорит, что Сохатый слишком умён для того, чтобы так глупо вести себя. Подозрительно ещё, почему он так уверен, что в пропаже исключительно мы виноваты. Я имею в виду, – перехватывает Бутурлин наши недоумённые взгляды, – не нас конкретно, а нашу контору: Вадима Борисовича и прочих.

– Не понял, – вздёргивает брови Бизон, – а чем мы ему не угодили? Что за бред! «Астро-банк» вроде как карманный банк Сохатого. Или я чего-то в этой жизни не понимаю? Вадим Борисович, как я наблюдаю, директор-то почти формальный. Разве нет? Конечно, он директор, но далеко не генеральный. Тогда, что за комедия?!

– Откуда я-то знаю?! Когда я к Борисычу утром пришёл, он как оглашенный бегал в ночной рубашке по спальне. Волосы торчат в разные стороны. Смотрит на меня безумными от страха глазами и словно не видит. Даже шампанского выпить не может: руки трясутся так, что никак ртом бокал поймать не может. Зубы об стекло противно так стучали. Еле сумел привести его в себя. Когда успокоился, сели думать. И всякие мысли в голову лезут.

Первое, что пришло нам на ум: Сохатый сам всё подстроил. Зачем? Кто его знает, что у этого криминального ревизорро в башке творится. Вадим Борисыч голову сломал, соображая, где, когда и как мог накосячить. А придумать ничего не выходит. Знай себе причитает: «Он меня убьёт! Он меня убьёт! Сначала пытаться будет страшно! Утюгом раска-

лѐнным жечь будет! А потом где-нибудь на глухой шоссейке в дорожную заплатку закатает!» И тут его замкнуло. Начал гадать: почему именно на глухой дороге у какого-нибудь никому не ведомого посѐлочка Сохатый ему могилу устроит? «Не хочу, – кричит, – так! Хочу на кладбище! Чтоб с мавзолеем! Я ж себе уже и землицу на Ваганьково прикупил. Думал, пригодится лет через пятьдесят». Тут от жалости к себе и зарыдал, сердечный... В общем, сейчас от нашего Борисыча проку мало... А Сохатый действительно может для порядка положить двух-трѐх человек. Это у него уж как водится. Пострелять он любитель. Пистолеты уж очень любит. Байки ходят, что старикан с собой позолоченный «Дезерт Игл» носит...

– Как я ни обмозговываю вчерашнее, – продолжает бесстрастно Сан Саныч, – всё едино выходит, что это сам Сохатый затеял какую-то очень тѐмную игру. Сдаѐтся мне, что деньги потеряны нарочно. Если вообще потеряны... – он ударяет кулаком по своему колену. – Неспроста всё это! Чует мой нос: затевается что-то... Правда, есть одна нестыковочка. Если Борисыч правильно помнит, то в бане ни он, ни Сохатый особо не пили. Пѐтр Андреевич – так Борисыч говорит – не столько сам пил, сколько опаивал ту с кудряшками, что ещё на улице первой скопытилась. Тогда непонятно: с чего их-то обоих так развезло возле джипа? Совсем непонятно...

– А если нет никакой игры против нас и Вадима Бо-

рисовича? – осторожно спрашиваю я. – Сам же говоришь, что репутация у Сохатого такая, что любой поостережётся к нему близко подходить. Вот он и расслабился, понадеявшись на свой авторитет. Скажи, Сан Саныч: может такое быть, что они напоследок, перед выходом из бани, чего-нибудь особенного приняли? а Борисыч просто не помнит об этом? Допустим, Сохатый подсунул какой-нибудь... ну... не знаю... какой-нибудь убойный коктейль с наркотой, от которого напрочь крышу сносит? Ты, может, знаешь: он этим балуется? Мы же все видели, как их болтало по-дикому перед тем, как окончательно свинтиться: то в уныние впадали, то вдруг восторг и веселье накатывали на них. Словно на самом деле чего-то нанюхались...

– Может, – смиренно вздыхает Бутурлин. – Всё может быть. Если это не какая-то тёмная игра Сохатого, тогда давайте накидаем все возможные причины случившегося, даже самые дурацкие. Например... Ну, скажем... девки что-то там подсыпали в вино в надежде грабануть. Потому как вряд ли Сохатый сам мог нанюхаться чего-то там ровно перед тем, как деньги привезут. Он бешеный чёрт, конечно, но далеко не дурак.

Итак. Моя первая и самая идиотская версия: девки-грабительницы. Могло такое быть? По-моему, совсем невероятно, но чёрт его знает... Тогда встаёт вопрос, как шалавы узнали о том, что Сохатому деньги привезут? Их же прямиком из машины в баню повели. Девчонки даже сообра-

зить не успели, куда попали... Значит, кто-то заранее предупредил? Тогда, кто? Чёрт! Совсем голова пухнет!!! Какие-то ещё версии есть?

Мы дружно молчим. У нас нет никаких догадок.

– А самое смешное, – продолжает минуту спустя Бутурлин, – объяснение может оказаться до такой степени очевидным и простым, что... Вот если бы только зацепку найти, хотя бы одну деталь!!! Ничего пока не вижу. Но как бы то ни было, мы должны найти деньги, пока Сохатого здесь нет... Даже если он их не терял. Но это будет крайний вариант. Если найдём, тогда с нас обвинения он обязан снять. Вот тогда и выяснится, какие тараканы живут в его башке.

Мы уставились на Бутурлина.

– Чего смотрите? Ну, если он не терял деньги, а мы всё равно ему принесём, стрясём с какого-нибудь козла, как он тогда будет реагировать? Вот мы и узнаем, что он надумал... Ничего. Скоро, надеюсь, узнаем, специально ли потерял деньги Сохатый или на самом деле кто-то украл... А пока, дорогие мои, – он испытующе вглядывается в наши лица, – все вы на подозрении...

Бутурлин звонит Вадим Борисовичу. Беседуют они долго. Время от времени с того конца врываются в салон истерически пронзительные рыдания.

Итог разговора Сан Саныч озвучивает сразу, как только смартфон скрылся в заднем кармане джинсов: «Борисыч требует начинать с девок. Он какой-то там экспресс-пасьянс

разложил, пока балаболили. Кричал, что ему все пути перекрывает дама трэф. Панимашь ли, – губами Брежнева шамкает Бутурлин. Это он так всегда выражает своё иронично-недоверчивое отношение к методам босса, – и хоть кол ему чеши на башке – ничего слышать не хочет! Будь моя воля, я бы перетряхнул вас всех... Сохатый-то прежде всего с нас спрашивать будет.

– А чё с нас спрашивать? Мы-то тут причём? И кстати, – совершенно некстати спрашивает Димка, – а почему у Сохатого кликуха такая? Со-ха-тый... Рогатый, получается? Кто ему рогов наставил? Жена? Или любовница какая?

– Дурак, – толкает Димку в бок Бизон, – ты чего болтаешь? Хочешь, чтобы бошку отвинтили? Ты в курсе, что это за человек? О нём лет двадцать назад все газеты писали, даже за границей. Знаменитость девяностых годов! Такими делами ворочал. А ты – рогатый! Коли узнает про твои слова, глазом не моргнёт, сделает так, словно тебя и не было, потому как никому ничего не прощает и не забывает.

– Разные слухи ходят. – Бутурлин достаёт из небольшой сумочки, какую обычно носят через плечо, футляр с сигарой и начинает его вертеть. – Одни говорят, что начинал он на золотых приисках в Якутии, которая Республика Саха называется. Другие утверждают, что, наоборот, начинал на рыбных промыслах на Сахалине. Контрабанда икрой, красной рыбой и всё такое. Вроде рыбкины конторы крышевал, контролировал рыболовецкие колхозы. Когда стали разводить в Ба-

ренцевом море дальневосточного краба, а в Белое море запустили горбушу, затосковал по родине, перебрался в Мурманск. По другой версии, просто сбежал с Камчатки, спасал свою шкуру. В общем, это тёмная история – почему Сохатый снялся с хлебного места и метнулся на другой край страны. В Мурманске вроде как живёт последние пятнадцать лет. Известно, что подмял под себя весь Терский берег. Вполне возможно и то, что Сохатым прозвали за рост и силу. Лось ведь – самый крупный и сильный зверь в наших лесах.

– Если верны первые версии, тогда его кличка должна произноситься через «а» – Сахатый. – не удерживаюсь вставить свои пять копеек. – А если его реально с лосем сравнивают, тогда через «о» – Сохатый.

– Грамотный шибко, я смотрю, – Бутурлин косит на меня глаза, – то песни всё английские слушаешь, то правила русского языка вспоминаешь...

– Есть маленько. – отвечаю как можно скромнее. – Был гордостью школы. Учителя думали, что стопроцентно поступлю в вуз.

– И чего? – с лёгкой ноткой уважения спрашивает Димка.

– Решил, что в наше время не образование играет роль, но хороший оклад.

– Эх, голова – два уха, – с искренним сожалением произносит Бизон и, протянув руку через спинку кресла, кладёт на мой затылок гигантскую ладонь, тёплую и тяжёлую, как шапка Мономаха.

За разговором пролетело время, и мы не заметили, как подъехали к грязно-голубому кирпичному зданию в один этаж с кокетливо-орнаментальной вывеской «Мотылёк». Это приземистое строение не сразу заметишь: оно выглядит пристройкой к панельному дому в мелкую керамическую плитку такого же бледно-голубого цвета. Димка при виде надписи хихикает: «Вчера совсем не заметил, что у бани такое смешное название. Очень в тему, оказывается. А чего именно сюда пошли?» – «Потому что хозяин – человек Сохатого».

Сидим в джипе и смотрим на табличку, повешенную на дверь. На белом пластмассовом прямоугольнике крупными красными буквами написано, что сегодня, в среду, в бане выходной.

«Кто сказал, что бесполезно
биться головой об стену?
Хлоп! На лоб глаза полезли —
лоб становится кременным!»

– рвёт гланды Бутусов.

«Нас теперь не сваришь в каше – сталью стали мышцы наши», – мурлычет себе под нос Сан Саныч и неожиданно выключает радио. В машине воцаряется тишина...

Было дело, как-то раз вёз я Вадима Борисовича домой поздно ночью. Весь вечер в его кабинете сидели трое корот-

ко стриженных, крепко сбитых мужичков в деловых костюмах, расходящихся под мышками по швам. По суровым лицам и широким жёстким ладоням можно было подумать, что они только вчера вышли из сталелитейного цеха. Переговоры шли долго и мучительно. Мужчины без остановки курили сигареты и с силой давили их друг в золочёной пепельнице. Кабинет заволокло сизым дымом крепкого, выедающего глаза табака.

Мне тогда пришлось несколько раз заваривать крепкий кофе для всей компании. Но результаты многочасового обсуждения оказались, видимо, очень выгодными для босса, так как домой он возвращался в прекрасном настроении. Всю дорогу рассуждал вслух о тонкостях эзотерических учений, которые много чего позаимствовали из народных обычаев.

Я уже говорил, что для Вадима Борисовича астрология и эзотерика являются страстью, истовой верой в существование каких-то сверхреальных сил, которые вертят людьми, как им заблагорассудится. Он уверен, что у людишек нет никакого выбора: остаётся только признать неодолимую силу их влияния и считаться с ними, стараясь свести к минимуму возможный ущерб и постараться извлечь выгоду. С этой целью Вадим Борисович регулярно читает астрологические прогнозы, собственноручно строит сложные вычисления, кидает игральные кости или внимательно разглядывает таблицу толкований китайской книги перемен «И-

Цзин». Он с безграничным доверием, граничащим с фанатизмом, относится к тем рекомендациям, которые получает от потусторонних безымянных сил. Веру в зависимость жизненных путей от причудливого узора звёздного неба, от случайных комбинаций цифр на кубиках, от рандомной выкладки карт Таро Вадим Борисович с железобетонным упорством отстаивает и пропагандирует при любом удобном случае. Благо, таких случаев всегда бывает много.

С той же святой верой в правоту всех мистических учений Вадим Борисович в тот вечер рассказывал мне, что с начала времён люди чувствовали присутствие рядом с собой сверхъестественного. Наших предков это пугало, порождая веру в нечистую силу, и в народном воображении возникали чудовищные образы. Эти страхи перед тёмными силами, в итоге, стали причиной целого ряда ограничений, запретов в смутно осознаваемом древним человеком существовании. И в пример Вадим Борисович привёл правила банных омощений.

Он тогда вспомнил, что лучше всего мыться во вторник или в пятницу. А в среду, согласно древним суевериям, баню посещать ни в коем случае нельзя. Так, по крайнем мере утверждал Вадим Борисович. А ещё запрещено мыться после двенадцати ночи, так как после полуночи можно попасть в одну компанию с чёртом, который обязательно придёт в урочный час купаться. Всё это было произнесено без тени иронии.

На мой вопрос, откуда ему всё это известно, Вадим Борисович важно пробасил: «Википедия, голубчик мой, великая вещь! Никаких книжных полок, никакой книжной пыли: всё, что нужно, найдёшь в Интернете. Всемирная Сеть теперь и кладёзь полезных знаний, и заменитель человеческой памяти. Ничегошеньки не надо запоминать. Совсем. А если забыл, допустим, как зовут любимого киноактёра, раз в телефон: „Аллё, Гугл“ – и готово! Ты среди друзей – эрудит!»

Сейчас, когда смотрю на эту табличку, вспоминаю рассказы Вадима Борисовича: по ходу, директор бани тоже читает Википедию.

– И что мы теперь будем делать? – удушливо хрипит Бизон, с тревогой поглядывая на сигару.

– Ждём хозяина. Я ему перед выездом звонил.

– А что он может нам сказать? – опять удивляется Димка. – Его же вечером в бане не было! Только старушка – Божий одуванчик в огромных очках с толстенными стёклами.

– Во-первых, проверим все видеозаписи. Может, удастся по ним разглядеть, что с этим портмоне случилось.

– Чего?! – Димка аж подпрыгивает. – В бане видеокамеры стоят?!

– Ей-Богу, Димон! Ты как маленький. Будто не знаешь, что в каждой бане, сауне, хамаме работает своя система видеонаблюдения?

– Для чего в бане видеокамеры нужны?

– Ну хотя бы для того, чтобы вещи клиентов остались в со-

хранности, пока они телешом в парной сидят.

– А-а-а, если так, то ладно. А-то я уж подумал, что за голыми следят.

– И это тоже есть, голубчик. Как без этого? У хозяина, наверняка, хранится много такой интересной информации, за которую хорошие люди готовы заплатить хорошие деньги.

– Никогда больше не буду ходить в баню, – тихо бормочет Димка, пока мы ожидаем хозяина, – только когда к маме в деревню приеду. Ни за что не соглашусь, чтоб меня голого снимали!

– Успокойся, – лениво произносит Бутурлин, разминая в пальцах сигару, – ты и без того голым живёшь. В социальных сетях, небось, всё про себя выкладываешь. Всему свету по секрету. Всякие формы заполняешь, когда авиабилет покупаешь.

Минут через пятнадцать рядом с нами останавливается красный «Ягуар», из которого выходит гладко выбритый мужчина лет тридцати пяти.

На нём красная шёлковая рубаша навывпуск с закатанными в два оборота рукавами. Руки, шея мужчины синеют татуировками. На тыльной стороне правой ладони солнце длинными синими лучами своими растопыривается в разные стороны в самой серёдке морских волн, из-под рукава рубашки злобно глазееет кошачья морда с огромными усами. Под нею крупными буквами поясняется для тех, кто не понял: «КОТ». Фаланги пальцев мужчины исколоты изображениями перстней, на которых виднеются самые разные карточные масти. На запястьях свободно болтается по несколько золотых цепочек.

– Пижон, – задыхаясь, делится впечатлением Бизон. Он мечтает вырваться из тесноты салона на свободу, но без приказа не решается.

– Свой человек, – непривычно жестоко оскаливается Бутурлин и выходит из машины.

Сан Саныч что-то говорит мужчине, тот согласно кивает. Они вместе скрываются за дверями бани. В купе, которое прижалось брюхом к земле наподобие приготовившегося к прыжку гепарда, сидит крашеная блондинка в ярко-алом с блёстками платье. Она тыкает длинным фиолетовым ногтём в айфон, не обращая никакого внимания на то, что происходит за дымчатым стеклом. Её ботексные, неестественно вывернутые пухлые губы время от времени капризно складываются в гузку ровно в тот момент, когда пальчик

нажимает на экран. Соболиные брови удивлённо взлетают вверх вместе с всплесками отражённого в зрачках света при смене картинок в телефоне.

Я открываю крышку подлокотника и, чертыхаясь, еле нахожу провалившуюся в щель между компакт-дисками флешку и снова вставляю её в разъём радио:

If I ever had a wish in the whole world
I would've listened to my brother
When he spoke to me
And I never played with my conscience
In the fields where I was in their company...

Сан Саныч и Пижон появляются на улице через долгих полчаса, крепко пожимают друг другу руки и расходятся. Пижон садится в «Ягуар». Автомобиль ревёт утробными звуками матёрого самца-олени, вызывающего на бой соперника, и, вжавшись плоским задом в выщербленный асфальт, резко срывается с места, чтобы в мгновение ока скрыться за углом.

– Просмотрели мы видеозаписи, – опять выключает проигрыватель севший на своё место Бутурлин, неотрывно следя за сизым облачком выхлопа, которое долго ещё качается над дорогой, не решаясь развеяться. – Ничего на них не видно. Камеры повешены только над входом. На записи можно только рассмотреть, как Вадим Борисович, Сохатый да три девицы выходят из бани и заворачивают за угол. Всё вроде

нормально. Одна из подружек, кудрявая такая, еле держится на ногах, но пытается сзади лягнуть Сохатого. Видно также, как тот в свою очередь отталкивает её и она падает на углу. Всё. Только один раз мелькнула из-за угла сумочка, когда другая девица замахивалась на Сохатого. Больше ничего.

– Что значит «ничего»? – встревожился Димка. – Там же видно, надеюсь, что мы тут ни при чём?

– В том-то и дело, что ничего не видно. Машины нас ждали за углом. Забыл? А там камер нет.

– Кстати, почему за углом? – заёрзал Димка. – Ты, Дамир, почему ко входу не подъехал?

– Потому что не мог. Забыл? Мне проезд в этот тупик перекрывала машина из борделя.

Её водитель ещё ругался, что хозяин экономит на ремонте движка.

– Ладно. Вспоминаем. Каждый, – Бутурлин неторопливо срезает гильотиной кончик сигары, зажигает, с удовольствием раскуривает её и скрывается в облаке дыма. Бизон тяжело сипит впредсмертном удушье, – поминутно, кто чтоделал в то время, когда босс и Сохатый шли к машине.

– А чего тут вспоминать? – отмахивается от дыма Димка. – Дамир и ты, Сан Саныч, сидели в машине, а мы стояли у дверей бани и ждали, когда Борисыч с Сохатым выйдут. Сначала появился Сохатый с блондинкой. Он её ещё за талию обнимал и что-то на ухо нашёптывал. Потом показались две подружки, держась под ручки. С кудряшками которая

была, ну очень поддатая была и сильно ревновала Сохатого к блондинке. Шла и вопила: не дам, мол, тебе с этой... идти, убудок? И всё пинала, всё пыталась попасть Сохатому под зад, да всё мимо. От того, что попасть не могла, злилась ещё пуще. А её подруге, судя по всему, совсем всё не нравилось. Она ещё всё время очень резко одёргивала кудрявую. А мы с Бизоном топали за ними и всё это наблюдали.

Последним из сауны буквально выполз Вадим Борисович. Он еле-еле на ногах держался и был какой-то такой неестественно бледный. Я сразу на это обратил внимание, потому что никогда не видел у Борисыча такого белого лица. Прямо, простыня. Даже жалко его стало. Помню, я подумал, что, мол, вот ведь как худо человеку, видимо, спиртное в этот раз плохо пошло. Такое тоже бывает: иногда пьёшь – как по маслу внутрь льётся, и хорошо так, в животе тепло разливается; а бывает – пьёшь через силу, с таким отвращением, аж блевать хочется.

– Короче, – резко обрывает Бутурлин, – все прекрасно всё поняли.

– Ладно. Короче так короче... – Димка чуть призадумался, – Помню ещё, что на углу к Сохатому невзрачный какой-то мужичок подошёл и отдал портмоне. Сохатый довольный такой сразу стал, похлопал его по плечу и махнул рукой, чтобы тот исчез... повернулся обратно к блондинке и давай её обнимать, очень настойчиво, и давай нашёптывать ей что-то на ушко. Видать, гадости какие-то, потому как ей

противно было. На лице брезгливость такая была...

С кудряшками которая, как только увидела, что Сохатый к блондинке целоваться лезет, рассвирепела, выдернулась из рук подруги, подбежала к Сохатому и давай кричать: «Ты, старый козёл, меня забыл, да?! Как пить – так с Надькой, а как обниматься – так с этой тварью!». Возьми да и замахнись кулачком. Сохатый успел ладонью слегка пихнуть в грудь. Та на своих лабутенах попятилась назад, споткнулась, грохнулась об асфальт и враз отключилась. Подруга пыталась её поднять, наклонилась да сама и шмякнулась. Из-за этого тоже разозлилась ну очень сильно и давай ругать Сохатого: да чтоб он подавился, да чтоб его черти побрали, ну и много чего другого в таком же духе.

– Да не споткнулась кучерявая, – поправляет Бизон, – у неё просто каблук подвернулся. А вторая, как увидела это, сразу в бутылку полезла, остервенела: давай размахивать перед Сохатым сумочкой. Всё норовила по плечи ею садануть. Это потом уже она попыталась подругу поднять и растянулась на земле.

– Ага! Она так прыгала вокруг Сохатого! – радостно подхватывает Димка. – Резво так подскочила к нему, вцепилась в пиджак и пошла сумочкой размахивать направо и налево! Словно гусар какой рубилась сумкой так яростно, что Сохатый аж покачнулся. Он на неё глаза выпучил... Они, прям, кровью налились. Я как увидел, что Сохатый бычиться стал, быстренько к девушке подбежал, её пальцы с трудом оторвал

от пиджака, и быстренько угомонил.

– Ударил, что ли? – удивляюсь я.

– Нет. Ты что? Я женщину обидеть не могу. Просто сзади схватил. Руки её к бокам прижал так сильно, чтобы даже пошевелить ими не могла, и потащил в машину. Так она брыкаться стала, меня своим острым каблуком лягнула в колено. Я зубы от боли стиснул, но девчонку не выпустил. А потом, когда домой пришёл, гляжу: у меня вся штанина в крови. Теперь забинтованный хожу.

– Вторую, что осталась лежать на земле, мы с охранником из борделя за руки да за ноги схватили, понесли и очень аккуратно так уложили на заднее сиденье, – вставляет Бизон.

– Кто помнит: Сохатый в тот момент один остался? – уточняет Бутурлин.

– Нет, – отвечаю, – всё это время блондинку обжимал. Вся эта возня вокруг кудрявой его сильно веселила. Хохотал всюю. Так, в обнимку, они с блондинкой и дошли до машины. Только уже стоя около джипа, Сохатый спохватился и стал головой вертеть: Вадима Борисовича искал. Тот едва плёлся позади всех, ноги переставлял так, словно ему на спину тонну кирпичей положили. Сохатый, как увидел походку Борисыча, ещё громче хохотать стал. Начал кричать, что Борисыч специально отстал, чтобы без лишних свидетелей в предбаннике на выходе водочки налакаться. Вадим Борисович попытался что-то сказать, но громко икнул и только рукой мах-

нул.

Я хорошо помню этот момент...

Вадим Борисович, дойдя до джипа, схватился за раму двери и заплетающимся языком едва выговорил, пытаясь придать физиономии своей трезво-приличный и строгий вид: «Пётр Андреевич, Вы как обычно впереди сядете?»

– А ты как думал? Неужели позади сяду? Пусть охрана там сидит. Ну и, ты... заодно. Так что, давай! Влазь! Я за тобой.

– Что Вы! Что Вы, дорогой мой Пётр Андреевич! – с внезапным приступом восторга вскричал Вадим Борисович. – Только после Вас!

– Нет, любезный, – передразнивая пьяные интонации Вадима Борисовича, возразил Сохатый, – не могу я пройти вперёд тебя. Машина, Борисыч, твоя. Так что – только после Вас.

– Какой же Вы, Пётр Андреевич! Явно желаете меня обидеть! Я Вам как гостю любезность оказываю – убедительно прошу сесть в первую очередь. Так что... Это я говорю «так что», а не Вы. А Вы, мой дорогой Пётр Андреевич, так не говорите. Так что – я сяду исключительно после Вас. Тем паче, что с Вами, дорогой Пётр Андреевич, такая красивая женщина. – Вадим Борисович на мгновение уткнулся лбом в ручку двери, потом резко вскинулся: – О! У меня идея! Чтобы нам с Вами не было обидно, давайте вперёд даму пропустим! Пусть располагается на заднем диване. Он мягкий,

широкий. А я рядышком...

– Нет, – решительно возразила блондинка, – на меня сегодня не рассчитывайте. Я никуда с вами не поеду. Придётся тебе, пузырьрёк, на заднем диване сидеть в одиночку или вон – с охраной.

– Что за вульгарность! – возмутился Вадим Борисович и тут же помрачнел.

– Разве? – с недоумением посмотрел на блондинку Сохатый. – Точно не поедешь?

– Не сегодня.

– Тогда завтра.

– Аха! Канешна!.. Не раньше чем через неделю.

– Ладно. Договорились. Через неделю, – вздохнул Сохатый, властным жестом потянул девушку к себе, крепко прижал к огромному животу и страстно выдул ей в ухо: – Строптивые мне по душе.

С наслаждением зажмурив глаза, он принялся жадно гладить блондинку по спине, норовя толстыми сосисками пальцев опуститься ниже талии. Девушка с трудом сдерживаясь, решительно пресекала все поползновения Сохатого.

Но сопротивление его только пуще распалило.

Неожиданно Сохатого сильно качнуло в сторону, и он, глядя мне в глаза, удивлённо прошептал: «Что это? С чего так развезло-то?.. Вино креплённое, видать, было. Сво-лочи!» Девушка была упущена безвозвратно. Она отбежала в сторонку и не желала вновь оказаться в тяжёлых объятиях

Сохатого.

Продолжая удивляться себе, Сохатый полез в машину, цепляясь за дверную раму. Долго кряхтел, возился, удобнее усаживаясь в кресле рядом со мной. Потом высунулся из окна и поинтересовался у девушки, почему она не желает, чтобы за ней заехали через неделю? В ответ блондинка упорно молчала. Тогда Сохатый решил уточнить, точно ли прекрасная незнакомка сама придёт, не обманет ли? Понижая голос, как завзятый дамский угодник, спросил, записала ли она номер его телефона? И тут же требовательно заявил, что девушка должна вот прямо сейчас позвонить на его мобильный. Это нужно, чтобы он мог убедиться, что все цифры ею записаны верно. Не добившись от девушки никаких ответных действий, Сохатый резко заскучал и, закрыв глаза, откинулся в кресле.

В это время Вадим Борисович, шатаясь, как корабельная мачта во время шторма, поставил ногу на подножку джипа и едва успел напрячься, чтобы своё круглое тельце занести внутрь, как неожиданно рухнул без памяти, уткнувшись носом в кожаную обивку дивана.

Бутурлин прятал сигару, которую так и не успел закурить, обратно в футляр и поэтому среагировал не сразу. Однако через минуту уже подскочил к нашему директору и схватил его под мышки: «Дамир! – обернулся он ко мне. – Не видишь, что ли? Давай помогай!»

Мы изрядно провозились, втягивая в машину тяжёлую

и совершенно бесчувственную тушку Вадима Борисовича.

Вид всего этого сильно развлекал Сохатого, который от вялой безучастности вдруг перешёл к безумному веселью и стал яростно хлопать ладонями по торпедо. словно болельщик на стадионе, он закричал «Оле! Оле! Оле!», поддерживая наши усилия уложить директора в машине.

В дороге веселье с каждой минутой приобретало характер чего-то развязно непристойного, как бывает, когда алкоголь начинает парализовать мозг и человека развозит до полной невозможности что-либо не то что контролировать, но даже осознавать.

Сохатый в состоянии, говорящем о близкой потере сознания, перегибаясь через довольно широкий подлокотник, несколько раз порывался дотянуться до руля, чтобы показать мне, как на самом деле должен водить машину настоящий шумихер. Бизон и Бутурлин потянулись сзади через спинки кресел схватить Сохатого за плечи и вжать его в сиденье. Возня длилась минут пять.

Оказавшийся в стальных руках Сан Саныча, Сохатый сдался так же неожиданно и, схватившись за голову, еле слышно простонал: «Да что же это такое?». После чего обмяк, и, уткнувшись подбородком в жирную грудь, загудел носом, словно тысячи иерихонских труб.

Мы ещё несколько минут ехали в полном молчании, пока Бутурлин не спросил: – Дамир! А ты, собственно, куда нас везёшь?

– К Вадим Борисычу.

– Куда к Вадиму Борисовичу? В банк?

– Нет. Домой.

– А ты уверен?

– А что ещё делать? Ведь никто ничего не сказал.

– Сохатому-то куда надо?

– Откуда я знаю.

– А кто знает?

– Я уж точно не знаю. Его телохранитель остался в банке.

Ему было поручено билет на самолёт купить.

– Вот как?! На самолёт, говоришь? Хорошо. Сейчас позвоню...

– Алло! Мозг, привет. Слышал: вы с шефом улетаете?..

Да то, что твой хозяин не может нам сказать, куда его везти.

Сам понимаешь: баня, то да сё... Говоришь, что странно всё

это? Что он способен выдуть океан и будет как стёклышко?

Только не сегодня, понимаешь? Напился до положения риз.

Видать, повод был хороший... Так куда нам везти твоего ше-

фата? Говоришь, билет на утро. А сейчас сколько? Так, две-

надцать... Ну? Что делать будем? Давай, Мозг, раскинь сво-

ими мозгами... Я понял. Значит, мы везём его к тебе в аэро-

порт. Ты нас встречаешь и уводишь биг-босса отдыхать в за-

ле для ВИП-персон... Лады. Договорились... Давай, Дамир,

гони во Внуково!

...Я нажимаю на кнопку, расположенную на широком из-

гибе ручки двери, стёкла плавно ползут вниз, и Бизон начинает громко дышать, хватая ртом свежий воздух. Бутурлин, ничего не замечая, рассуждает:

– Картина вырисовывается такая. Сохатому какое-то чмо привозит деньги к «Мотыльку». Дожидается, когда тот зайдёт за угол и только после этого вручает портмоне. Почему не у дверей сауны? Почему за углом? Словно боялся чего-то. Чего? Знал по видеонаблюдению? Две девчонки устраивают дикую потасовку. После чего девиц пихают в старенький Опель. Сохатый всё это время играет в обнимашки с блондинкой. Где и как он держит в это время портмоне с деньгами, никто не видит и не помнит... Интересненько-интересно. После Вадим Борисович свинчивается, а блондинка изящно исчезает не знамо куда. Да-а-а уж, – едва разжимая губы, вслух рассуждает Бутурлин и сбивает за окно длинную дудочку серого пепла. – А что, кстати, делала блондинка, когда мы втаскивали Вадима Борисовича и когда Сохатый влезал в джип?

– Постояла, – я пожимаю плечами, – посмотрела и ушла.

– Портмоне было у неё? Не заметил?

– Сан Саныч, такая возня: такую тушу, как наш Вадим Борисович, в машину уложить – это не шутки. Ты-то сам что-нибудь заметил?

– В том-то и дело, что ничегошеньки не заметил. А вы, – обращается он к заднему ряду, – заметили что-нибудь?

– Нет! – дружно отвечают Бизон и Димка. – Мы ж девчон-

ками занимались.

– Закрой окно, – приказывает Бутурлин и выкидывает на дорогу толстый окурок. Тот, рассыпая искры во все стороны, прыгает по асфальту.

Мы ждём в полутьме тонированного и бронированного джипа, когда Сан Саныч примет решение. Временами я поглядываю на Бутурлина в зеркало заднего вида. До знакомства с ним мне казалось, что телохранителями становятся люди, у которых физическая сила, сноровка и звериные инстинкты заменяют мозги. Сан Саныч же, наоборот, обладает неплохими аналитическими способностями.

– Мне в этой истории, – приходит в себя через какое-то время Бутурлин, – в свете пропажи денег, не нравится абсолютно всё, что мы тут сообща вспомнили и увидели. Девушки могли разыграть спектакль, как только увидели, что Сохатый что-то получил из рук типчика? Почему нет. Вполне могли. Одна, допустим, попыталась привязаться к Сохатому, а потом притворилась мертвецки пьяной. Другая подхватила эстафету и продолжила скандал. Две подружки таким макаром оттянули на себя всё наше внимание и позволили третьей сделать своё дело и незаметно улизнуть. Не исключено, что они, как я раньше предположил, чего-нибудь подмешали в вино. Теперь уже мне кажется, что Вадим Борисович и Сохатый в тот вечер были ненормально пьяными. Не упомяну ни одного случая, чтобы Борисыч так напивался. И если Сохатый не притворялся пьяным, а действительно окосел, то-

гда стоит принять к сведению слова Мозга, что тот никогда не пьянеет, а тут...

Не нравится мне и то, что машина охранника из салона заглохла как-то очень удачно, заперев въезд в проулок. И почему водитель позволил блондинке уйти? Разве не входит в его обязанности следить за тем, чтобы все девушки после рабочей смены возвращались обратно в салон? Уж слишком такая последовательность событий становится похожей на хорошо продуманный план, который методично и чётко, шаг за шагом по минутам реализовывался прямо на наших глазах. Но самое главное: я не могу понять, если и вправду девчонки решились стырить деньги, как тогда они узнали, что Сохатому привезут к бане полмиллиона уе?

– Никак, – подаёт сзади голос Димка, – ты сам говорил, что у Сохатого какая-то своя игра скорей всего. А то, что девчонки притворялись, не похоже. Они здесь ни при чём.

– А тебе не кажется, – произносит Бизон, – что этот тип, что деньги привёз, мог быть частью плана? Сам же заметил, что он странно вёл себя и боялся засветиться. Может, те, кто его с деньгами послал, разыграли такую партию, чтобы деньги вроде как отдать Сохатому, но тут же их себе обратно вернуть? В таком случае понятно, откуда дамочки могли знать о деньгах: их просто купили, и они исправно отыграли свои роли. Разве не логично?

– Логично. Даже более чем логично. Но проблема в том, что все могли играть свои роли, понимаешь? – угрюмо воз-

ражает Сан Саныч. – Все могли играть. Даже кто-то из вас. Но пока подозрение номер один – девчонки с их машиной. Слишком, повторяю, последовательны их поступки. И это очень напрягает. Так что беру назад свои слова, что эта версия самая дурацкая. Надо с ними со всеми разобраться. Если это они умыкнули пол-ляма, значит, действительно есть кукловод. Тогда и его надо найти во что бы то ни стало. Во задача... Фу, – Бутурлин проводит ладонью по лицу, – голова реально пухнет, как тесто в кастрюле. Скоро мозги поплывут... Ладно, поехали.

– Куда в этот раз?

– На Ленинский проспект. Массажный салон посетим.

– А чё так далеко девочек возят? – удивляется Димка. – Разве поблизости ничего нет?

– Кругом есть. Только притон салону рознь. Одни девушки обслуживают работяг, другие – доходяг. Одним девушкам и полгрошика заплатить жалко, на других и тысяча баксов за пять минут общения – не проблема.

Юго-Запад – это особый район Москвы. Я так считаю. Это сразу чувствуешь, как только попадаешь сюда. И говорю я об этом со знанием дела: мы с Ляйсан снимаем квартиру на улице академика Анохина. Скажу вам прямо: мне здесь очень нравится и если бы была такая возможность, то купил бы квартиру только в этом районе Москвы и нигде больше. Как Капотня отличается от нашей деревни, так же и Юго-

Запад отличается от Капотни. Здесь много вузов и студенческих общежитий, здесь живёт творческая интеллигенция. И всё это создаёт свою атмосферу на улицах этого столичного района. От проспекта Вернадского до Ломоносовского по тротуарам гуляет совершенно другая публика, не такая, как, допустим, на Алма-атинской или в Пятом квартале Капотни.

Когда от метро «Братиславская» раньше добирался до нашего сквоттинга в медвежьем углу Москвы, то в основном я видел простых работяг, которые пытались прикрыть своё социальное положение дорогим прикидом. В автобусной давке, пропахшей табаком, перегаром и железом, норковые шубы, шапки выглядели странно, не к месту. В толпе, набитой как сельдь в консервной банке, меховые наряды быстро затирались или лопались по швам. Но даже скорая смерть дорогого наряда не останавливает женщин с фигурами, испорченными тяжёлым физическим трудом, мужчин с крепкими рабочими руками. Они стеснительно прячут повседневную измождённость за шубами и кожаными куртками, купленными на деньги, долго и упорно по крохам собираемые.

На Юго-Западе публика ходит в нарочито неброской и с виду простецкой, хипстерской одежде. Скоро мне повезло убедиться, что на деле такая одежда добротна и стоит довольно дорого. Здесь маскировка в шикарные наряды бесполезна. Здесь по выражению твоих глаз, по осанке, по манере держаться, по одёжным швам и качеству материала мгно-

венно определяют твоё истинное лицо.

Здесь сдержанность словно пропитывает собой воздух. Вы здесь не увидите проявления сильных эмоций. Личина равнодушия прячет даже самые сильные страсти. Речи аборигенов юго-западного района богаты причастными и деепричастными оборотами, о существовании которых не ведает не измученный образованием человек других окраин Москвы. Именно здесь, на улицах Юго-Запада, я научился не доверять особой московской многоречивой тихой доброжелательности, в словесном тумане которой теряешь бдительность и не замечаешь, как тебя уже обвели вокруг пальца.

Здесь даже пьяные бомжи не ругаются площадной отборной бранью, но, висая на руках своих собутыльников, таких же невымытых и опухших, бросают в толпу как вызов всей своей судьбе, как оправдание своего существования на грешной русской земле, стихи Тютчева о том, что умом Россию не понять и никаким западным аршином её никогда не измерить. Эти алкаши проникновенно, но пьяно-путано вещают всему миру, что в Россию можно только верить.

Обычной картиной, которая никого не удивляет, может быть на Юго-Западе и то, как пропойцы в лохмотьях, вальяжно закинув ногу на ногу сидят на автобусной остановке и, тщательно подбирая слова, которые в состоянии всё же произнести их окостеневший от алкогольной анестезии язык, чинно обсуждают между собой просчёты царско-

го правительства во время Крымской войны, артистически плавно покачивая кистью руки в такт своим рассуждениям.

Но справедливости ради хочу сказать следующее. Я много езжу по Москве и вижу, что во всех углах этого обширного города можно наблюдать следы великого переселения народов. Не знаю, как выглядела столица в прежние годы, когда основными её жителями были коренные москвичи. Не застал я Москву в таком виде, когда советская власть защищала границу от нашествия русских туристов и дауншифтеров, а в столице блюла чистоту московской породы. Вижу её в другом обличье: основная масса уличной публики – это выходцы с Востока, дальнего, ближнего, среднего. Я привык в Башкирии к многонациональности. Для нас это нормально, когда рядом живут русские, украинцы, татары, башкиры, мордва, чуваша, марийцы. Но даже мне поначалу показалось странным видеть такое невообразимое количество представителей самых разных говоров и наречий. Характерный московский выговор, ещё не умерший окончательно, ещё звучащий со сцены Малого театра, на московских улицах гложет в море многоязычия со своим, характерным для выходцев из самых разных российских земель акцентом в русском.

Говорят, что коренные жители столицы в массе своей живут на деньги от сдачи апартаментов на островах где-то в тёплых странах. Те далёкие южные государства привыкают к русскому наречию в той же степени, в какой Москва постепенно привыкает к разнообразию говоров...

Может быть, когда-нибудь мегаполис переварит эти многотысячные племена, появится новый тип столичного жителя с новым, только для московского наречия характерным выговором, но пока люди разных народов, совсем недавно оторвавшиеся от родной почвы, живут по своим обычаям, согласно своим привычкам...

С Юго-Западом связано и начало счастливого периода в моей жизни: мы с Ляйсан стали жить как муж и жена.

Сказать, что я чувствую себя на седьмом небе от счастья – значит, ничего не сказать. Часто ночами просыпаюсь, чтобы слушать в темноте её мерное, тихое дыхание и ловить аромат её шелковистых волос. Ещё могу, облокотившись, до самого утра в прозрачной полутьме московской ночи рассматривать тонкие черты её лица. Смотрю на неё и не могу до конца поверить в то, что ко мне пришло счастье. Я искал его где-то за тридевять земель от родных пенатов, а оно жило рядом со мной, ходило в ту же школу, сидело в классе через стенку и приехало в Стерлитамак в поисках меня.

Для чего? Для того, чтобы позвать меня в ту даль, где сумею понять, что счастье не прячется за высокими зубчатыми горами, за глубокими морями и непроходимыми лесами? Но как это объяснить юноше? И стоит ли объяснять? Может, так и должно быть, что молодой человек должен отправиться далеко-далеко в погоне за мечтой, для того чтобы наконец-то увидеть то, что всё время было под носом? Пока не увидишь, что в прекрасном «далёко» живут такие же люди, что в боль-

ших городах нет ничего сверхъестественного, волшебного, но та же жизнь с её проблемами, что здесь в массе своей живут обычные люди, зажатые в тиски повседневных изнуряющих проблем, до тех пор не в состоянии будешь оценить по достоинству своё, родное?

На Юго-Западе наша жизнь вошла наконец-то в русло определённости. Мы уже не чувствовали себя эмигрантами в своей стране, но были почти москвичи. В любом случае, мы уж точно стали совсем не такими, какими были наши земляки. У нас появились новые, городские привычки: хотя бы раз в месяц сходить в театр или на концерт, посетить музей, прогуляться по улицам. У нас даже свои маршруты появились для воскресных прогулок. Страницы Инстаграма запестрели фотографиями старых московских улочек с красивыми и необычными названиями, а именно: Чистый переулок, Сивцев Вражек, Поварская улица, Камергерский проезд, Садовое кольцо, Кривоколенный переулок...

Вечерами мы пролистывали фотографии, выложенные в Инстаграме, и ревниво отмечали, сколько прежних наших знакомцев, друзей, сколько одноклассников поставили лайки или отметились в комментариях.

Было время, мы приглашали их приехать в Москву и попытать счастья, пободаться со своей судьбой. Некоторым из самых близких друзей предлагали и кров на первых порах, и какую-то поддержку, но в ответ слышали одно и то же: «Где уж нам? Теперь уже поздно. Это вы вовремя уехали, а мы

уже здесь начали жить, у нас здесь работа, дом, пусть крохотное, но благополучие, которым не хотим рисковать ради неизвестно чего».

Иногда в этих отказах звучала неприкрытая зависть. Её примесь охладила наше желание звать кого-либо из прошлой жизни, и мы решили больше никогда не оглядываться назад и двигаться только вперёд.

И наконец пришло осознание, что мир маленькой деревни под громадным куполом с крупными звёздами Млечного пути, мир, спрятавшийся за задумчивыми Шиханами, навсегда растворился в неоновых огнях, в свете ярко освещённых витрин дорогих магазинов, в гуле нескончаемого потока желтоглазых авто, несущихся по асфальтовому руслу, зажатому между бетонными многооконными берегами, в говоре толпы, праздно шатающейся на Тверской, в песнях Арбата...

Бордель «Массажный салон „Нежная лилия“» находится в подвальном помещении сталинки на Ленинском проспекте. Yukon пришлось припарковать на улице, потому что въехать в тесный двор, заставленный автотранспортом, не было никакой возможности. Пройдя через квадратную низкую арку, мы подходим к железной приземистой двери и нажимаем на кнопку звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.